

18+

Александр Перерва

Чаша Гальфара

Дочь Альдерозы

Александр Перерва

Чаша Гальфара. Дочь Альдерозы

«Издательские решения»

Перерва А. М.

Чаша Гальфара. Дочь Альдерозы / А. М. Перерва —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-989904-0

Жизнь не проста, в ней существуют зависть, ненависть, предательство; зло изобретательно, но не всеильно, и победа ждет того, кто добр, сострадателен, верен дружбе и любви. Эту старую, как мир, истину автор сумел выразить ненавязчиво, через цепь самых невероятных, захватывающих фантастических приключений девочки Алены и ее друзей в сказочной стране Амерон...

ISBN 978-5-44-989904-0

© Перерва А. М.
© Издательские решения

Содержание

Александр Перерва	6
ЧАША ГАЛЬФАРА	7
Книга первая	8
1. Удивительный питомец	8
2. События страшные и чудесные	15
3. Рассказ обезьяны Лю	20
4. Лимонад отправляется в разведку	24
5. Слежка. В ледяной ловушке	30
6. Знакомство с дядюшкой Зэндом	39
7. Иной мир	44
Конец ознакомительного фрагмента.	48

**Чаша Гальфара
Дочь Альдерозы
Александр Михайлович Перерва**

© Александр Михайлович Перерва, 2020

ISBN 978-5-4498-9904-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Александр Перерва

ЧАША ГАЛЬФАРА

Посвящается моим дочкам – Ире и Кате

Книга первая Дочь Альдерозы

1. Удивительный питомец

Солнце сияло и переливалось на чистом, без единого облачка, весеннем небе.

Оно как бы купалось в этой прозрачной голубизне, становилось еще ярче, набирало силу. Последние островки снега прямо на глазах съеживались, темнели, пытались спрятаться в тени домов и подворотен. Потoki теплого воздуха поднимались от земли дрожащими прозрачными столбами, и было забавно смотреть, как изламывались и плясали в них очертания домов и деревьев, силуэты идущих по улице людей.

В воздухе стоял несмолкаемый птичий гвалт, слышались шаги прохожих, их голоса, гул пролетающего где-то далеко самолета. Доносившиеся звуки были неожиданно звонкими и отчетливыми. Так бывает, когда закрываешь уши ладонями, а потом резко убираешь руки. И еще, конечно, запах: запах талого снега, запах проснувшейся земли, пропитанной живительной влагой, запах лопнувших на деревьях почек; в общем, тот самый, ни с чем не сравнимый запах весны врывается в комнату через открытую форточку.

Алена тяжело вздохнула и отвернулась от окна. Ей было совсем невесело, да и кто бы на ее месте радовался, заболел он в такое замечательное время. Другое дело – осенью, или зимой – вот когда можно болеть в свое удовольствие. Так нет, надо же умудриться простыть в такой неподходящий момент. Хотя, по правде сказать, осенью и зимой Алена тоже болела; вообще крепким здоровьем она не отличалась. Особенно слабым местом были у нее уши: отиты следовали с удручающей периодичностью – то правосторонний, то левосторонний, а то и оба сразу.

Вот и сейчас Алена сидела у окна с компрессом на правом ухе. На столе перед ней лежала раскрытая книга, но сосредоточиться на чтении никак не удавалось; что-нибудь за окном постоянно отвлекало ее внимание. Вот с улицы раздались знакомые голоса. Это девочки из Алениного третьего «Б» шли в школу. Алена с завистью проводила их взглядом. Вот сейчас они завернут за угол дома, шапочки и береты тут же окажутся в портфелях и сумках, а пальто будут расстегнуты нараспашку. Как бы хотелось и Алене вот так же, в распахнутом пальто и легких туфельках пройтись вприпрыжку по высыхающему асфальту, подставив лицо ласковому весеннему ветерку.

Алена снова вздохнула и уткнулась в книгу. Послышался звук открываемой входной двери. Это мама вернулась из магазина. Она вошла в комнату, на ходу расстегивая куртку; глаза ее весело блестели, лицо покраснелось.

– Ой, Аленка, какая там погода!

– Да вижу, – буркнула Алена. – Ты что, в классики играла что ли?

– Нет, я рыбу купила, совершенно случайно. Удивительно, весной – и вдруг живая рыба.

Алена встала из-за стола и пошла за мамой на кухню. Там в мойке лежала пузатая рыбина с полметра длиной, с большими колючими плавниками и выпученными красными глазами.

– Видишь какая, – мама начала повязывать передник. – Последняя досталась. За мной Даниловна стояла; что там было, когда ей сказали, что рыбы больше нет. Просто кошмар! Они, наверное, посейчас пытаются всем магазином выловить что-нибудь в том баке. Думаю, она запросто может заставить их процедить всю воду через марлю.

Даниловна, женщина неопределенного возраста и какой-то серой, невзрачной внешности, жила в их же доме, числилась то ли дворником, то ли смотрителем лифтов и отличалась вздорным, скандальным характером, за что и получила от детей кличку Крокодилловна.

– Мам, а что это за порода? – Алена пыталась пальцем открыть рыбе рот. – Карп или толстолобик?

– Да вообще-то не похоже. – Мама подошла к раковине с ножом в руке и оценивающе посмотрела на рыбу. Потом пожала плечами:

– Может быть, амур или еще какой-нибудь гибрид. Да какая разница, рыба да рыба. Лишь бы костей было поменьше.

В этот момент Алене наконец удалось оттянуть нижнюю челюсть рыбины, и неожиданно открылась большая, как у какого-нибудь морского хищника, виданного по телевизору, усеянная довольно крупными острыми зубами пасть.

– Ого! Целая акула! – Алена даже отдернула руку.

Мама только удивленно покачала головой и открыла кран, пустив в мойку воду.

На кухню бесшумно вошел Лимонад – большой пушистый кот роскошной тигровой масти, лентяй, подлиза и любитель всего вкусенького. Лимонад сладко зевнул и принялся тщательно умываться, время от времени бросая по сторонам оценивающие взгляды. Должно быть, он, как обычно, отсыпался в стенном шкафу.

– Что, рыбку почуял? – Алена присела и потрепала кота за ухо.

Тот возмущенно тряхнул головой и отодвинулся, всем своим видом демонстрируя глубочайшую обиду за подозрение его в столь низменных интересах.

Вдруг раздался мамин удивленный возглас:

– Да она еще живая! Плавниками шевелит.

Алена подошла поближе. Под струей воды рыбина действительно ожила: жабры ее вздымались и опадали, рот беззвучно открывался и закрывался, круглые глаза, казалось, пристально смотрели на людей.

Мама попыталась взять рыбу в руки, но та резко изогнулась дугой, вильнула хвостом и, выскользнув, плюхнулась обратно в раковину, обдав всех холодными брызгами. Тут не выдержал и Лимонад, он вспрыгнул на стоящую рядом с мойкой табуретку и, встав на задние лапы, передними оперся о край раковины. В этот момент рыбина опять изогнулась пружиной и выпрыгнула вверх, ударив хвостом по носу бедного кота. Тот взвыл, кубарем скатился с табуретки и уселся на полу, фыркая и облизываясь. Глаза его были устремлены на мойку и горели мрачным зеленым огнем.

– Нет, я так не могу, – мама бросила нож. – Чистить ее живьем – это выше моих сил. Придется ждать папу. Я думаю, он сможет с ней справиться.

Тут Алене пришла в голову мысль, что из всего этого можно извлечь хоть какую-то пользу, а именно – немного развлечься.

– Мам, а можно я ее пуцу пока поплавать в ванну? – с надеждой спросила она.

– Думаю, плавать она уже не сможет, – мама пожала плечами. – А впрочем, как хочешь. Только сама не возись в холодной воде.

Через полчаса ванна была наполнена водой, и рыбу со всеми предосторожностями переправили туда в пластиковом тазике. К большой Алениной радости, она быстро ожила и начала активно осваиваться на новом месте, пытаясь даже описывать круги в столь тесном водоеме. Время от времени рыбина замирала на месте, высовывала на поверхность свою крупную голову с выпученными глазами и, слегка пошевеливая плавниками, беззвучно хлопала зубастой пастью, как будто пытаясь что-то сказать.

«Самое время немного повеселиться», – подумала Алена и, взяв карандаш, привязала к одному его концу крепкую суровую нитку. Получилась вполне сносная удочка. Червяка в доме не нашлось, поэтому в качестве наживки к нитке была привязана конфета. По мнению

Алены, наживка выглядела весьма соблазнительно и вряд ли кто-нибудь смог бы перед ней устоять.

И вот наконец веселая рыбалка началась. Самым активным ее участником стал Лимонад. Он взобрался на деревянную решетку, лежащую поперек ванны сбоку, и с большим интересом наблюдал за маневрами серебристой живой торпеды, пытающейся-таки схватить предложенное ей лакомство. Но в тот момент, когда ей уже, казалось, удавалось это сделать, Алена резко дергала свою удочку, добыча ускользала из-под самого носа рыбины, и веселье продолжалось с новой силой. Все это чем-то напоминало игру котенка с бантиком.

Иногда рыба проплывала под самой решеткой. Тогда Лимонад просовывал лапу между дощечками и пытался зацепить ее когтями, но из этого ничего не получалось; рыба тут же уходила в глубину, предварительно хлопнув хвостом по воде и обдав брызгами незадачливого рыболова. Кот раздраженно фыркал и отряхивался, Алена же от души хохотала. В общем, было очень здорово.

Но тут пришла мама и, конечно, всем влетело. А все потому, что часть воды из ванны как-то незаметно оказалась на полу и на Аленином платье. Алена и Лимонад были незамедлительно выдворены из ванной комнаты.

– А с тобой папа вечером разберется, – напоследок пообещала мама рыбе.

* * *

Аленин папа был летчиком-испытателем, и Алена очень им гордилась, потому что у него была очень редкая и совсем небезопасная профессия, занятие для настоящих мужчин, как говорил папа. Многие ребята в 3 «Б» классе завидовали Алене и относились к ней с невольным уважением, ведь не у каждого встречного отец – летчик-испытатель. Алена ощущала на себе этот ореол папиной славы, и, конечно же, ей было это приятно, но она изо всех сил старалась не задаваться, чем вызывала к себе еще большее уважение.

Сам же папа просто обожал свою работу, потому что любил машины и скорость. Но вопреки общепринятым представлениям о работе испытателя, летать ему приходилось совсем не так часто, как хотелось бы. В основном работа заключалась в изучении до мельчайших подробностей конструкции новых моделей самолетов и тренировках на специальных стендах, имитирующих кабину самолета, так называемых тренажерах. Так вот, из-за малого количества полетных часов папе приходилось, по его же выражению, утолять свою жажду скорости, участвуя в автомобильных гонках. Да, кроме того, что он был отличным летчиком, папа был еще и первоклассным спортсменом-автогонщиком. Именно так считали все: знакомые, сослуживцы, друзья папы и, конечно, в первую очередь Алена. Он частенько брал дочь с собой на соревнования, где почти всегда входил в число призеров. Так считали все, кроме мамы, которая полагала, что папа занимается этим, кстати, совсем небезопасным спортом только для того, чтобы иметь повод увильнуть от домашних дел. Однако, глядя на ее сияющие глаза, когда она встречала папу после очередной победы, Алена начинала сомневаться в искренности маминых претензий. Алена решила, что она просто немножечко хитрит, чтобы папа не очень зазнавался.

* * *

Этот вечер у папы был свободен от тренировок на автодроме, поэтому он рано вернулся домой. И тут же получил от мамы задание почистить рыбу. Папа с сожалением бросил на кресло пачку свежих газет и покорно направился в ванную, куда его тянула Алена, взхлеб рассказывая о событиях сегодняшнего дня. Лимонад с энтузиазмом крутился здесь же, мешаясь под ногами и то и дело бросая на папу преданные взгляды.

– Ну, показывайте вашу акулу.

В папиных словах слышалась нескрываемая ирония. Но когда он увидел рыбину, бодро рассекающую водную гладь, ирония сменилась удивлением.

– Да, любопытный экземпляр.

Тут папа шелкнул пальцами, в глазах его появилась знакомая Алене хитринка.

– Слушай, дочь, у меня по этому поводу есть одна замечательная идея.

Алена радостно захлопала в ладоши, предвкушая очередное развлечение. Наверняка папа придумал что-то интересное, а уж выдумщик он был известный.

Папина идея заключалась в следующем. Поскольку рыбина чувствовала себя великолепно и умирать в ближайшее время явно не собиралась, а даже наоборот, то не было никакой надобности лишать ее жизни сейчас, чтобы накормить всего трех человек. Гораздо разумнее было просто напросто в течение двух-трех недель откормить рыбу до таких размеров, которые позволят устроить Большой Рыбный праздник с приглашением целой кучи гостей. Папа тут же собрал малый семейный совет и вынес это предложение на голосование. Алена с энтузиазмом поддержала его – она очень любила, когда приходили гости – и предложила свою кандидатуру на должность Главного рыбного смотрителя. Мама воздержалась, скептически полагая, что из этой затеи ничего не получится, и придумал ее папа для того, чтобы опять-таки увильнуть от домашней работы. Откровенно против был только Лимонад, каким-то образом почувывший, что сегодня ему не доведется полакомиться рыбкой, и посему издававший время от времени жалобные протестующие вопли. В общем, большинством голосов папино предложение было принято. Алена сразу же побежала на кухню, принесла кусок хлеба и стала крошить его в ванну, а рыба с большим аппетитом проглотила все, что ей было предложено.

– Ну, дело пойдет, – сказал папа, потрепал Алену по щеке и пошел читать свои газеты...

В этот вечер произошло еще одно, на первый взгляд, маловажное событие. Всю значимость его Алена поняла позже, когда ЭТО все случилось... Но, впрочем, все по порядку.

Часов в восемь вечера, когда на улице уже стемнело, раздался звонок в дверь. Это была Даниловна. В общем-то, ничего необычного в этом не было, так как время от времени она заходила и просила папу вкрутить лампочку на лестничной площадке. С этим она пришла и сейчас.

Взяв табуретку и лампочку, папа вышел за дверь и с удивлением уставился на светящийся под потолком матовый плафон.

– Даниловна, ты что-то напутала. Здесь все в порядке.

– Как же в порядке? – Ничуть не смутившись, Крокодиловна сразу перешла в наступление. – Цельный месяц лампочка не меняная. Того и гляди – сгорит.

Папа уже открыл было рот, чтобы что-то возразить, но в этот момент лестничная площадка погрузилась в темноту. Он только удивленно хмыкнул и пошел за фонариком.

– Ну вот, а я что говорю. Сами бы лбы тут расшибали, а виноватая опять Даниловна. – Крокодиловна победно посмотрела на маму и Аленку, которые стояли здесь же, в прихожей.

– Слышь, Ирина, – теперь она обращалась только к маме, – а рыбки-то мне сегодня не хватило. А ить очень хотелось рыбки. Вкусная небось?

– Да не готовила я ее, – мама кивнула в сторону ванной. – Она у нас еще купается.

Из приоткрытой двери ванной доносился плеск воды. Даниловна просунула туда голову и восхищенно поцокала языком. Тут в разговор вступила Алена и не без гордости поведала о грандиозном плане по откорму рыбы. Мама смущенно улыбнулась:

– Да вы ее слушайте больше. Они с отцом вечно что-нибудь придумают.

– А чего ж. Хорошее дело. – Даниловна почему-то повеселела. Из глаз ее исчез тревожный огонек. – Очень даже верная мысль. По такому случаю – вот!

Она полезла в карман фуфайки, в которой ходила и зимой и летом, с минуту там покопалась и наконец вытащила замусоленный, покрытый какими-то крошками леденец.

– А она ее будет? – Алена с сомнением покрутила конфету в руках.

– А чего ж не будет? Конфета вкусная, я ее уже пробовала. А не будет, так можешь съесть сама, – милостиво разрешила Крокодиловна.

В это время папа окончил замену лампочки и поставил на место плафон. Даниловна еще раз заглянула в ванную и с видимой неохотой начала прощаться. Мама поблагодарила ее за конфету и пообещала обязательно пригласить на рыбу. После этого явно довольная смотрительница лифтов наконец-то ушла. А леденец рыба слопала с большим удовольствием, причем хруст был слышен даже из-под воды.

* * *

Следующие три дня Алена по-прежнему не ходила в школу, хотя ухо уже почти не болело. Но теперь вынужденное сидение дома не тяготило ее. Новое занятие настолько увлекло Алену, что она могла часами сидеть в ванной комнате и возиться со своим неожиданным питомцем. Рыба была настолько забавна и, по мнению Алены, сообразительна, что девочка решила выдрессировать ее, как дельфина. Однако, не в пример дельфинам, характер у нее был просто отвратительный. Хищническая ее природа давала о себе знать, и агрессивность этой рыбины порой ставила девочку в тупик. Так, один раз, когда Алена пыталась научить ее проплывать сквозь пластмассовое кольцо и, в качестве поощрения, держала в руке кусочек колбасы, рыбина, стоило девочке на секунду отвлечься, неожиданно выпрыгнула из воды и вцепилась в колбасу мертвой хваткой. Алена взвизгнула и разжала руку, рыба с добычей плюхнулась обратно в воду, а у Алены долго оставалось на пальцах ощущение ее твердых, холодных зубов. Еще бы полсантиметра – и она бы ощутила и их остроту.

Родителям об этом происшествии Алена ничего не сказала, справедливо полагая, что маме навряд ли понравится такое развитие событий и что грандиозный эксперимент будет бесславно прерван. Однако скрыть дурные наклонности рыбины не удалось, и виноват в этом был Лимонад.

Все эти дни он вместе с Аленой ошивался в ванной, ревниво наблюдая за девочкой и возмущенно вякая всякий раз, когда та бесцеремонно выставляла его из комнаты, чтобы не мешал. Интересовали его Алены занятия с рыбой или же сама рыба с кулинарной точки зрения – понять было трудно.

И вот однажды вечером вся семья ужинала в гостиной. Против обыкновения Лимонад, который в таких случаях всегда находился здесь же, на этот раз отсутствовал, что вызвало у папы легкое удивление. Впрочем, через несколько минут все выяснилось. Ужин уже подходил к концу, когда из ванной раздался ужасный грохот и сразу же истошный кошачий вопль. Когда Алена с папой влетели в ванную, их глазам предстало душераздирающее зрелище, не лишённое, однако, некоторой комичности.

Деревянная решетка соскочила с одного края ванны и теперь стояла в ней торчком, наполовину погруженная в воду. Совершенно мокрый кот с обезумевшими глазами, отчаянно работая лапами, пытался вскарабкаться по ней из воды. Но это ему не удавалось, так как в его хвост вцепилась своими железными челюстями свирепая цепная собака, прикинувшаяся рыбой. Вода вокруг них кипела, фонтаны брызг взлетали до самого потолка. Как видно, намерения у нее были самые серьезные, и не подоспей вовремя помощь – все могло кончиться для Лимонада весьма плачевно.

Когда папа наконец освободил бедного кота от его улова, тот настолько обессилел, что только жалобно хрипел и закатывал глаза.

– Ну что же ты, охотничек? – папа укутал кота в полотенце и передал Алене.

– Ну все, хватит! – в ванной появилась мама. – Чтобы сегодня же с этим было покончено. – И она выразительно посмотрела на папу. Тот, в свою очередь, посмотрел на Алену и только развел руками. Алена поняла, что спорить бесполезно, тяжело вздохнула и отправилась сушить кота феном.

На кухню в этот вечер она ни разу не зашла. Как это ни странно, Алена за эти дни успела привязаться к рыбине и теперь испытывала вполне понятные чувства: и жалость, и грусть,

и даже, в какой-то степени, обиду на родителей. В то же время она понимала, что такой конец был неизбежен, но смотреть на это, а тем более в этом участвовать категорически не хотела.

Тем временем папа почистил и выпотрошил рыбу, приложив к этому немало усилий, после чего мама отпустила его к телевизору – как раз начиналась трансляция футбольного матча, – а сама собрала со стола потроха, чтобы выбросить их в мусорное ведро. И тут внутри большого рыбьего пузыря что-то блеснуло. Мама вскрыла его ножом, и в следующую секунду на ее ладони оказался прозрачный цилиндрик толщиной с палец и длиной сантиметров десять. Когда мама вымыла его под струей воды, то увидела, что он как бы собран из пяти более коротких стеклянных цилиндриков, очевидно, склеенных друг с другом. Причем один крайний цилиндрик был абсолютно прозрачным, а остальные отливали нежными оттенками зеленого, желтого, голубого и розового цветов.

Мама подняла ладонь повыше, поближе к абажуру; и когда свет лампы упал на цилиндрик, в глубине его вспыхнули и заиграли разноцветные искорки. Маме вдруг показалось, что она уже когда-то видела нечто подобное, она задумалась, пытаясь ухватить ускользающее воспоминание, но тотчас это ощущение исчезло. Мама улыбнулась: вещица хоть и явно бесполезная, но очень симпатичная и наверняка должна утешить Алену.

Мама тут же пошла в гостиную и объявила о своей удивительной находке. Папа только кивнул головой, не отрывая взгляда от телевизора и скорее всего даже не уловив смысла сказанного. Алена продолжала дуться и сделала вид, что все это ее не интересует, но по вспыхнувшим в ее глазах огонькам мама безошибочно определила, что цель достигнута и Алениного упрямства надолго не хватит. Однако торопить события она не стала, а молча положила цилиндрик на сервант и отправилась на кухню готовить рыбу. Ее ожидания полностью оправдались, и уже через пять минут, забыв обо всем, Алена увлеченно занималась с новой игрушкой.

* * *

Утром на завтрак была жареная рыба, от которой Алена все же отказалась, на что папа сказал:

– Дочь, дело, конечно, твое. Но, по-моему, ты ведешь себя, как неразумное дитя. Ты пойми, каждый человек время от времени встает перед проблемой выбора, и очень важно, чтобы этот выбор был правильным. Я, например, считаю правильным, если мы съедем эту рыбу, а не она – нас.

При этих словах он отправил в рот очередной кусок, покрытый аппетитной золотистой корочкой. Папа говорил абсолютно серьезным тоном, и только с большим трудом можно было разглядеть в уголках его глаз притаившуюся там смешинку. Увидев, что Алена недоверчиво хмыкнула, он продолжал:

– А что? По крайней мере, Лимонад на своей шкуре испытал остроту ее зубов. Не подоспей мы вовремя, неизвестно – чем бы все кончилось. А кто был бы следующим у нее на очереди?

Папа сделал страшные глаза, и Алена, не выдержав, рассмеялась.

Услышав свое имя, в кухню вошел Лимонад и уставился на папу преданными глазами.

– А, Лимонадик! Ты, брат, отомщен. Враг повержен, изжарен и... подан тебе на блюдечке с голубой каемочкой.

С этими словами папа поставил перед котом тарелочку с большим сочным куском рыбы. Однако, ко всеобщему удивлению, Лимонад отвернул от тарелки морду, как бы даже поморщившись, и продолжал сверлить папу своими зелеными глазами.

– Да вы, братцы, сговорились, – папа только развел руками. – Ну как хотите, а мне пора на работу.

Уже в дверях мама вручила ему сверток с несколькими кусками рыбы.

– Зайдешь к Даниловне и отдашь. Обещали ведь угостить.

– Будет сделано, – папа шутливо отдал честь, поцеловал маму и Алену и вышел за дверь.

В тот момент Алена даже подумать не могла, что вот эта захлопнувшаяся за папой дверь как бы отрезала ее от привычной, реальной жизни, мало чем отличающейся от жизни любой десятилетней девочки. И в то же время открыла перед ней другой мир – огромный, неизведанный, полный чудесных, удивительных и даже страшных вещей. Мир, приоткрывающийся почти каждому человеку в каком-либо из своих проявлений. Однако, мало кто воспринимает зачастую едва уловимые сигналы из этого мира. Другие же, страшась неведомого, сами спешат оборвать едва протянувшуюся тончайшую нить между двумя реальностями.

И вот теперь перед загадочным лицом Неведомого оказалась маленькая десятилетняя девочка.

2. События страшные и чудесные

Странности начались уже через час, когда папа неожиданно вернулся домой. Вид у него был несколько удрученный. Оказалось, что его не допустили до полетов – не прошел на медкомиссии какой-то тест на быстроту реакции, что было крайне удивительно, так как о папиных физических данных буквально ходили легенды. И вдруг – не допущен до полетов.

Алена очень расстроилась, наверное, даже больше, чем сам папа. Однако самым удивительным в этой ситуации была реакция мамы, вернее полное отсутствие какой бы то ни было реакции. Она, как ни в чем не бывало, продолжала сидеть перед зеркалом и накрашивать ресницы. И только тут до Алены дошло, что мама сидит вот так уже почти целый час, с того самого момента, как папа ушел на работу. И это была мама, которая никогда в жизни не травила на макияж больше пяти минут (по правде сказать, при ее внешности можно было обойтись и совсем без него).

Алена только в недоумении пожала плечами и ушла в свою комнату. В тот момент она по-настоящему не встревожилась, лишь легкое чувство беспокойства поселилось где-то внутри, создавая некий дискомфорт, как маленький камешек, попавший в ботинок. А скоро Алена и вовсе забыла обо всем. Она играла со своей новой игрушкой – разноцветным цилиндром, найденным в рыбьем пузыре, и вдруг от цилиндрика, казавшегося таким монолитным, с легким щелчком отделился крайний, голубого цвета диск и зафиксировался на расстоянии сантиметров двух без всякой видимой связи с ним. В образовавшийся промежуток можно было просунуть палец, не встречая никакого сопротивления: кроме воздуха там ничего не было. В то же время цилиндр и диск оставались неразрывно связанными друг с другом какой-то необъяснимой силой. Кроме того голубой диск начал светиться. Сначала Алена этого не заметила, так как любовалась цилиндром, сидя у ярко освещенного солнцем окна, но когда она попыталась – впрочем абсолютно безуспешно – растащить цилиндр и диск и зажала последний в кулаке, то увидела пробивающийся сквозь пальцы нежно-голубой свет. Алена отнесла цилиндр в дальний, затемненный угол комнаты и поставила вертикально на одну из полок, укрепленных на стене над кроватью и уставленных игрушками. Потом она отошла и, немного наклонив голову набок, залюбовалась полученным эффектом. Вид цилиндрика с парящим над ним светящимся диском издали напоминал какую-то фантастическую свечу, горящую ровным голубым пламенем.

Алена поспешила к родителям, чтобы поделиться с ними своим удивительным открытием. И тут тревога с новой силой сжала ее сердечко. С родителями продолжало происходить что-то странное: сразу в глаза бросалось то, что они абсолютно не общались между собой, передвигались по квартире, как будто не видя один другого, даже когда встречались лицом к лицу. Казалось, что они не замечают не только друг друга, но и Алену тоже. Когда та обращалась к кому-нибудь из них, ей приходилось по несколько раз повторять свой вопрос, прежде чем взгляд, устремленный как бы сквозь нее, приобретал осмысленное выражение; но несмотря на это, ответ, как правило, звучал невпопад. При этом голоса как у папы, так и у мамы были каким-то бесцветными, лишенными всяких интонаций.

Большей частью папа неподвижно сидел на диване, устремив немигающий взгляд в открытую на одной и той же странице книгу; мама так же неподвижно стояла у окна, как бы пристально высматривая что-то на улице. Но когда Алена подошла к ней и, взяв за руку, заглянула в лицо, то увидела, что глаза ее закрыты. Девочке стало страшно, она стала тянуть мать за руку, пытаясь как-то вывести ее из этого сомнамбулического состояния, но рука была твердой и неподатливой, как будто деревянной. Наконец мама открыла глаза и повернулась к Алене, несколько секунд она смотрела на дочь неподвижным взглядом, потом в лице ее что-то дрогнуло, и на губах появилась едва заметная улыбка. Еще несколько секунд спустя она как бы

ободряюще потрепала Алену по щеке и пошла на кухню. При этом движения ее были какими-то неуверенными и как будто замедленными.

У Алены немного отлегло от сердца, но она поняла: с родителями что-то случилось. Может быть, они заболели какой-то неизвестной болезнью, и надо скорее вызывать врача. Однако при всей странности их поведения назвать их вид болезненным было никак нельзя: внешне они выглядели вполне нормально, а цвет лица был даже лучше, чем обычно. Поэтому Алена, всячески стараясь успокоиться, постоянно твердила про себя: «Ничего страшного не случилось. Скоро это пройдет, и они опять станут сами собой. Вот сейчас я пойду к себе, поиграю часик – и все будет в порядке.»

Но выйдя через час из своей комнаты, она опять застала ту же картину.

Никаких изменений к лучшему не происходило, впрочем, и в худшую сторону, казалось, ничего не менялось, разве что движения родителей становились как бы еще более замедленными. Чтобы не видеть этого удручающего зрелища, Алена старалась покидать свою комнату как можно реже. Лимонад, очевидно почуввавший что-то неладное, постоянно находился здесь же; при этом он с каким-то затравленным видом жался все время к Алене, что было на него совсем не похоже. Алену удивляло такое поведение кота, но постоянное его присутствие в какой-то степени скрашивало ее мрачное настроение.

Наступил вечер. Надежды на быстрое выздоровление родителей развеялись окончательно. Уже часа три Алена совсем не выходила из своей комнаты; последний раз голод заставил ее пройти на кухню в поисках съестного. Алена пошарила по кастрюлям, но они оказались пусты – обед приготовлен не был. Только на сковородке лежали три куска жареной рыбы. Алена переложила их на тарелочку, взяла из шкафчика буханку хлеба, но не успела она отрезать от нее кусок, как мимо промелькнула пушистая полосатая молния, раздался звон бьющейся посуды, и Аленин обед оказался на полу, среди осколков тарелки.

– Лимон! Противный! – чуть ли не со слезами на глазах воскликнула девочка и замахнулась на кота буханкой. Тот кинулся прочь, протопав лапами по кускам рыбы и придав им окончательно несъедобный вид.

Пришлось довольствоваться хлебом с абрикосовым вареньем и бутылкой молока. Когда чувство голода было утолено, с новой силой нахлынули прежние тревоги. Алене стало так жалко маму, папу, да и себя тоже; горький комок подступил к горлу, и, не в силах больше сдерживаться, девочка безутешно заплакала.

Между тем наступило время сна, и Алена, все еще продолжая всхлипывать, но действуя по принципу «утро вечера мудреней», начала стелить постель. Когда она легла, Лимонад тут же устроился в ногах на одеяле. Присутствие этого теплого живого комочка подействовало на девочку успокаивающе. Глаза ее постепенно высохли, лишь несколько слезинок остались висеть на ресницах. В них причудливо преломлялся голубой свет, исходящий от забытого цилиндрика, по-прежнему свечой стоящего на полке. Тысячи разноцветных звездочек дрожали и переливались перед Алениным взором. Некоторые из них начинали расти, они увеличивались, распухали, заполняя собой все пространство, и вдруг сами взрывались тысячами блистающих осколков. Алене казалось, что нет больше ни ее комнаты, ни самой квартиры, нет ничего, кроме этого сверкающего пространства и ее самой, летящей сквозь него, купающейся в пронизывающих его теплых и ласковых разноцветных лучах. Чувство необыкновенной легкости и спокойствия охватило все ее существо.

Сколько длился этот чудесный полет, Алена не могла определить – может, одну секунду, а может, несколько часов. Но вот что-то изменилось: впереди появилась черная точка, которая начала постепенно расти. Ощущение безмятежного полета вдруг сменилось чувством неудержимого падения. У Алены перехватило дыхание; черная точка впереди стремительно увеличивалась и меняла свои очертания. Что-то знакомое почудилось в них девочке, но разобраться – что именно, мешала все увеличивающаяся скорость падения. Еще мгновение – и Алена нако-

нец разглядела: зловеще шевеля плавниками и скаля огромную пасть, усеянную острыми зубами, на нее стремительно неслась хорошо знакомая рыбина. Где-то в глубине сознания мелькнула мысль, что этого не может быть, ведь мама ее уже пожарила. Но тут же все мысли вытеснил леденящий ужас. Рыба все надвигалась и надвигалась на Алёну, увеличиваясь в размерах с каждым мгновением. Ее немигающие глаза, горящие красноватым огнем, зло и неотрывно смотрели прямо на девочку, заставляя болезненно сжиматься сердце, пасть растягивалась в гнусной улыбке. Кого-то эта улыбка очень сильно напоминала. И вдруг Алёна поняла, кого – Крокодиловну! Да ведь это же и была она сама: во всегдашней своей телогрейке и в резиновых сапогах. Продолжая улыбаться рыбьей улыбкой, Крокодиловна протягивала вперед руки с длинными крючковатыми пальцами, пытаясь дотянуться до Алёны. «Пропала Алёна, пропала Алёна», – то ли это шипела Крокодиловна, то ли эта фраза билась в голове, болью отдаваясь в висках.

Вдруг все исчезло; Алёна поняла, что лежит в своей кровати с закрытыми глазами, до боли сжав пальцами край одеяла. Сердце трепетало в груди, как пойманная птичка.

«Так это только сон, – с облегчением подумала девочка. – Ну конечно, вся эта история с болезнью родителей – только дурной сон»...

– Пропала Алёна, – голос раздался совсем рядом, где-то в ногах у Алёны, заставив ее опять внутренне сжаться. Голос, довольно странный тенорок, произнес фразу жалобно, с каким-то подвыванием. Раньше Алёна его никогда не слышала, но могла поклясться, что он был ей знаком.

– Конечно, пропала, если только мы ей не поможем, – ответил второй, девчоночий голос.

– Но как? Что мы можем сделать? – опять запричитал первый. – Особенно ты.

Тут в голосе явно послышалась насмешка.

– Я пока не знаю. Но ведь вчера ты уже один раз выручил Алёну, сам говорил. А теперь у нас еще есть и это.

В разговоре наступила пауза.

«Интересно, кто это такие, и о чем это они», – думала Алёна, стараясь ни единым движением не выдать себя. – Пусть думают, что я сплю».

Удивительно, но она не испытывала никакого страха, одно только любопытство. Медленно-медленно девочка приоткрыла глаза.

* * *

Стояла глубокая ночь, но все окружающие предметы были отчетливо видны. Комната была погружена в голубоватый полумрак; неестественно синий, волшебный свет струился откуда-то с книжной полки. Алёна сразу вспомнила о необыкновенном цилиндрике. Потом она осторожно перевела взгляд туда, откуда только что раздавались странные голоса. Там, в ногах у Алёны, на одеяле, подперев передней лапой голову, развалился Лимонад и с задумчивым, если не сказать грустным видом, слегка прищурившись, смотрел на голубую звездочку. Вид его был настолько комичен, что Алёна не выдержала и прыснула в одеяло. От неожиданности кот взвился в воздух, шлепнулся обратно на брюхо и замер, прижав уши.

– Ну ты, Лимонад, и трус. Хотя, может, это и пригодится, если вдруг придется участвовать в соревнованиях по прыжкам в высоту.

Это говорила большая плюшевая обезьяна – любимая Алёнина игрушка, которую она знала столько, сколько сама себя помнила, и без которой никогда не ложилась спать. По семейным преданиям, обезьяну подарили Алёне родители на ее первый день рождения. Звали обезьяну очень коротко и странно – Лю. Откуда взялось это имя, Алёна не знала, да особо и не ломала над этим голову. Ей оно нравилось – вот и все.

И вот теперь эта игрушка, сшитая из искусственного меха и набитая какими-нибудь опилками или чем-то вроде того, как ни в чем не бывало сидела на краю Алёниной кровати, свесив вниз ноги и болтая ими в воздухе. При этом она с явным удовольствием крутила головой

из стороны в сторону, поглядывая то на кота, то на девочку. В свою очередь Алена во все глаза смотрела на свою любимицу. Целое море чувств захлестнуло ее, но самым сильным было, пожалуй, чувство радости, близкое к ликованию.

– Вот это да! – только и смогла выдохнуть Алена, резко садясь в кровати.

– Ладно, ладно, – обезьяна сделала успокаивающий жест руками, как артист, вдоволь насладившийся вниманием публики.

– Эй, кончай строить из себя Сфинкса, – продолжала она, обращаясь к коту, замершему с прижатыми ушами. – И давай попытаемся объяснить все Алене. Конечно, все, что знаем сами. А ты слушай и попробуй не удивляться.

С этими словами Лю ободряюще пожала Аленину руку своей мягкой матерчатой лапкой.

Кот все еще настороженно поглядывал на Алену, но увидев, что она над ним совсем не смеется, а напротив, смотрит серьезно и внимательно, приосанился, несколько раз кашлянул в лапу, прочищая горло, и наконец произнес уже знакомым Алене голосом:

– Ну, собственно, что нужно сказать в первую очередь? В первую очередь нужно сказать, что нам и самим, в общем-то, мало что известно, так как те факты, которыми мы, собственно говоря, располагаем, не дают нам возможности в полном, так сказать, объеме произвести анализ сложившейся ситуации и сделать отсюда надлежащие выводы.

Обезьяна, все это время нетерпеливо ерзающая на своем месте, наконец не выдержала:

– Слушай, полосатый, такое впечатление, что ты всю жизнь провел в читальном зале, а не проспал в стенном шкафу на старом овчинном полушубке. И вообще, ты мне напомнил нашего завуча. Может быть, ты и есть он?

Лимонад возмущенно фыркнул:

– Я всегда был котом, котом и останусь. А ум – это у нас семейное качество. К тому же, я никогда не игнорировал средства массовой информации.

– Уж это точно. Поспать перед телевизором – ты у нас большой мастер.

– Лимонад, Лю, братцы, ну хватит уже. Рассказывайте все, что знаете, – Алена так естественно вступила в разговор, как будто всю жизнь только тем и занималась, что беседовала с домашними животными и мягкими игрушками.

– Ладно, – сказала обезьяна. – Только говорить буду я. Все дело в этой штуке, – и она указала рукой на цилиндрок, продолжавший испускать голубой свет. – Именно под действием этих лучей произошли в нас, во мне и Лимонаде, те удивительные превращения, которые ты сама видишь.

– А папа и мама? Их болезнь тоже связана с этим?

– В каком-то смысле. Но тут совсем другое. Твои родители... Они... – тут обезьяна запнулась и посмотрела на кота. Тот молча кивнул головой. – Они заколдованы, – решительно продолжила Лю. – Так мы с Лимонадом думаем.

При этих словах Алена вздрогнула.

– Не может быть! – горячо воскликнула она. – Какое еще колдовство? Колдовства ведь не бывает!

– Посмотри на нас, – обезьяна развела руками.

– Но ты же сама говорила, что тут совсем другое. Вы стали говорящими из-за цилиндрика. А это, наверное, какой-нибудь секретный научный прибор. Вот и все. И никакого колдовства.

Чем больше говорила Алена, тем менее уверенным становился ее голос. Она говорила, с надеждой глядя то на обезьяну, то на кота, как бы пытаясь найти в их глазах подтверждение своим словам. Но те молчали и только сочувственно смотрели на нее.

Наконец замолчала и Алена, слезы навернулись у нее на глаза, но она не заплакала, а только прикусила губу.

– Но кто это сделал и зачем? – упавшим голосом спросила девочка.

– Вот в этом-то весь вопрос, – оживилась обезьяна. – Мы с Лимонадом уже думали над этим и, кажется, знаем ответ. Вспомни, где был найден цилиндрик?

– В брюхе у рыбы.

– Вот именно. Я полагаю, ты не так наивна, чтобы думать, что это чистая случайность? Алена только пожала плечами.

– Ладно, тогда вспомни все обстоятельства появления этого чудовища в вашем доме. У кого твоя мама в магазине буквально из-под носа увела эту рыбину? Кто потом навевывался к вам с визитом и проявил к ней большой интерес?

Тут Алена вдруг отчетливо вспомнила свой недавний сон.

– Это была Крокодиловна, – задумчиво проговорила она.

– Вот! Теперь поняла, кому предназначался цилиндрик? А рыба – это ... ну как посылочный ящик. Ясно?

– Ничего себе – посылочка, – пробурчал себе под нос Лимонад, очевидно вспомнивший ощущения от ее зубов на собственном хвосте.

– Короче говоря, рыбу вместе с ее содержимым должна была получить именно Крокодиловна, – продолжала развивать свою мысль обезьяна. – Уж и не знаю, почему в их почте произошла такая осечка, но в результате и твои родители, и ты, и мы с Лимонадом оказались впутанными в эту историю. По всей видимости, больше всех пострадали твои папа и мама.

– Это потому, что они съели заколдованную рыбу, – вставил словечко Лимонад.

– Да. И все это – дело рук Крокодиловны. Наверняка она сделала это, чтобы получить то, что ей предназначалось – чудесный цилиндрик. Хорошо еще, что ты не стала есть рыбу. Иначе быть бы тебе сейчас этакой спящей красавицей.

На некоторое время наступила тишина. Очевидно, все представили себе, что могло бы быть, съешь Алена хоть кусочек рыбы. Девочка даже поежилась от пробежавшего по спине холодка. Наконец Лю нарушила тягостное молчание. Почесав лапкой в затылке и как-то виновато поглядывая на Алену, она сказала:

– Ты знаешь, можешь на меня обижаться, но я рада тому, что произошло. Да, я, наверное, единственная, кто в этой ситуации оказался в выигрыше. Не случись этой истории, осталась бы я навсегда просто игрушкой – недвижимой и бессловесной, как и все они. – И обезьяна кивнула в сторону полки, на которой, замерев в нелепых позах, сидели Аленыны куклы. Алена посмотрела туда и ее вдруг, как электрическим током, пронзила не оформившаяся еще в сознании догадка.

– Ты хочешь сказать, что ты... – медленно начала девочка.

– Да, именно так. Я не всегда была тем, что ты видишь перед собой. Когда-то и я была девочкой...

– Ну да, конечно. Но ты себя плохо вела, не слушалась родителей, и злой волшебник превратил тебя в игрушечную обезьяну.

– Ты напрасно иронизируешь. Если тебе не интересно – я молчу, – сказала Лю с грустью в голосе.

Алена покраснела от смущения.

– Извини, я не хотела тебя обидеть. Рассказывай, пожалуйста.

– Хорошо, я попробую рассказать все, что помню.

К сожалению, в памяти Лю обнаружились большие провалы, вызванные, очевидно, длительным пребыванием в столь необычном облике. Вот что удалось узнать Алене из рассказа обезьяны.

3. Рассказ обезьяны Лю

Лю действительно когда-то была девочкой, такой же, как и Алена, только постарше. Училась она в восьмом классе, так что было ей лет четырнадцать – пятнадцать. Она была очень симпатичной, можно даже сказать красивой девочкой.

На этом месте повествования Лимонад фыркнул и уткнулся мордой в передние лапы, за что тут же получил от обезьяны подзатыльник.

– Да, – с вызовом повторила она, – можешь смеяться сколько хочешь, но я действительно не была уродиной вроде тебя. Мальчишки со всей школы заваливали меня записками. Вот так-то. Впрочем, я этим никогда не хвасталась.

Да, Лю никогда не зазнавалась и не старалась подчеркнуть свое превосходство перед другими девочками. Поэтому подруг у нее было много, но закадычная – только одна. С ней они сидели за одной партой.

Когда Лю начала о ней рассказывать, то вдруг с ужасом поняла, что не помнит не только имени подруги, но и своего собственного. В ее сознании крутились какие-то имена из того далекого прошлого, например, такие, как Ира, Люба, Света, но какое отношение они имели к ней, Лю не помнила. Алена предложила звать ее Любой, поскольку Лю и Люба звучат очень похоже. Обезьяна, подумав немного, отказалась, решив, что в ее теперешнем виде имя Лю подходит ей больше, тем более, что она к нему привыкла.

Плохо помнила Лю и своих родителей, не только их имена, но даже лица стерлись из памяти. Единственное, что достоверно было о них известно, это то, что они были; они, да еще младший братик, которому тогда было три года. И еще осталось ощущение любви и тепла, связанное с ними.

Как это ни странно, но в то же время Лю отлично помнила все, чему ее выучили за восемь лет учебы в школе, а училась она очень хорошо. Она была готова хоть сейчас сдавать экзамен по любому предмету.

И еще она очень хорошо запомнила последний день той, нормальной человеческой жизни.

* * *

Стояли по-летнему теплые дни поздней весны. Зелень на деревьях уже начала темнеть, превращаясь из нежно-салатной в глянцево-изумрудную, но была еще по-весеннему свежей, не запыленной. Буйно цвели каштаны, усыпанные пышными, кипенно-белыми пирамидальными свечами. Воздух был свеж и прозрачен, и небо голубело высоко-высоко. Стояла та чудесная, милая сердцу каждого школьника пора, когда считанные дни оставались до начала летних каникул.

В один из таких дней и отправились две подруги—восьмиклассницы после уроков в городской парк, где уже неделю гастролировал заезжий парад аттракционов и всевозможных развлечений с красивым, странным названием «Луна-парк».

Вдоволь накрутившись на скоростных каруселях, накачавшись на качелях-лодочках и потолкавшись на автобане в маленьких электромобильчиках, девочки наконец остановились перед вывеской с кроваво-красной размашистой надписью «Пещера ужасов». Весь павильон, в котором располагался этот аттракцион, был разрисован изображениями скелетов, привидений и всевозможных монстров. Вход в «пещеру» был оформлен как настоящий грот и задрапирован тяжелой черной тканью. У самого входа на миниатюрных рельсах стояли маленькие вагонетки, на каждой из которых была установлена пара кресел. Желаящие «поужасаться» садились на вагонетки, те с железнодорожным лязгом одна за другой устремлялись к павильону и, раздвинув на мгновение черный занавес, скрывались в утробе «пещеры». Оттуда доносился хохот, женский визг, какое-то дикое завывание и даже выстрелы или взрывы хлопу-

шек. Через несколько минут вагонетка с возбужденными, встрепанными седоками выкатывалась из противоположного конца павильона. Женщины, как правило, нервно смеялись и тут же принимались поправлять попорченную прическу; мужчины снисходительно улыбались, стараясь казаться невозмутимыми. На вопросы любопытствующих ничего вразумительного они ответить не могли, поэтому желающих узнать, что же происходит там внутри, было более чем достаточно. Освободившиеся вагонетки перегонялись по рельсам, проложенным вокруг павильона, обратно ко входу в «Пещеру», где их ждали очередные посетители.

Наши подружки, поколебавшись несколько минут, наконец тоже поддались соблазну и, купив билеты, решительно направились к вагонеткам. И вот уже они, вцепившись руками в подлокотники кресел, устремились в «пещеру». Черный занавес упал за вагонеткой, и девочки оказались в полумраке, подсвеченном мигающими разноцветными огнями. В нескольких метрах впереди маячила вагонетка, въехавшая в «пещеру» на несколько секунд раньше. Она то вдруг резко накренилась набок, то катилась куда-то вниз, то делала неожиданные повороты. Вагонетка с Лю и ее подружкой повторяла все эти маневры с некоторой задержкой. Было такое ощущение, что вагонетки движутся по хитро-запутанному лабиринту. При этом вокруг происходили всякие «страшные» вещи: из открывающегося склепа выскакивали светящиеся пляшущие скелеты; громадные летучие мыши пикировали откуда-то сверху, задевая лица своими перепончатыми крыльями; средневековый палач в красном капюшоне с прорезями для глаз заносил над головами проезжающих огромный сверкающий топор и обрушивал его вниз, всякий раз, впрочем, промахиваясь, так как вагонетка уже успевала проехать. То вдруг наступала кромешная тьма, и чьи-то мохнатые лапы хватали пассажиров за руки и плечи, при этом совсем рядом раздавалось зловещее рычание; а после очередного резкого поворота вагонетка катилась прямо в раскрытую зубастую пасть гигантского ящера – динозавра. Визг и испуганные вопли не прекращались ни на секунду. В общем, было очень весело.

Подружки, как и все, отчаянно визжали, уворачивались от летучих мышей и отбивались от мохнатых лап. Они и не заметили, в какой момент исчезла вагонетка, катящаяся впереди. Просто, когда в очередной раз они выскочили из кромешной темноты, ее уже не было, а сами они катились среди гигантских сталактитов – огромных ледяных сосулек, свисающих с потолка пещеры. Некоторые из них достигали пола и образовывали живописные колонны, между которыми и был проложен извилистый рельсовый путь. В пещере царил какой-то таинственный полумрак; источника света не было видно, и казалось, что светятся сами ледяные глыбы, переливаясь и сверкая разноцветными искрами. Размеры пещеры оценить было трудно, но судя по тому, что колонны вздымались ввысь метров на пятнадцать, а дальше терялись во мраке, они были поистине колоссальными.

Величественное зрелище ледяного царства настолько поразило девочек, что в первый момент они даже не удивились и не испугались, а только в восхищении смотрели по сторонам, не в силах оторваться от волшебной игры света в толще голубых кристаллов. И только холод, царящий вокруг, привел их наконец в чувство. Они поняли, что произошло что-то странное; эта пещера была явно не бутафорская, вагонетка катилась по ней уже минут пять, а конца и края не было видно. Тревога охватила подружек, они решили соскочить с вагонетки и вернуться назад, но не тут-то было – ремни, которыми они были привязаны к креслам, ни в какую не хотели расстегиваться. Как ни старались девочки освободиться, у них ничего не получалось. Вагонетка медленно, но неудержимо продолжала катиться вперед, неизвестно куда. Постепенно пещера начала сужаться, уже можно было разглядеть ее потолок и боковые стенки, которые с каждой минутой становились все ближе и ближе. Наконец впереди возникла скалистая стена с черным провалом узкого туннеля, в который уходили рельсы.

Страх сковал сердце Лю; чем-то ужасным веяло от неумолимо надвигающегося темного отверстия. Девочки расширенными от страха глазами посмотрели друг на друга и взялись за руки, крепко их сжав. Еще мгновение – и наступила темнота.

Потом чувство реальности происходящего покинуло Лю; она не могла бы сказать с уверенностью, на самом ли деле дальнейшие события имели место, или это были галлюцинации, а может быть, и то, и другое вместе.

Лю только помнила, что очутилась среди безмолвных фигур, облаченных в длинные балахоны с накинутыми на головы капюшонами. Она пробовала заговорить с ними, обращаясь с какими-то вопросами, пыталась заглянуть под капюшоны. У нее оставалась надежда, что все это какая-то шутка, продолжение аттракциона, что вот сейчас все рассмеются, откинут капюшоны, и все страхи останутся позади.

Чтобы приблизить эту спасительную развязку, Лю быстро протянула руку к одной из фигур и сорвала с головы дурацкий колпак. Но кошмар продолжался: моргая время от времени перепончатыми веками на выступающих надо лбом выпуклых глазах, на нее глядела отвратительная жабья морда с громадным приоткрытым ртом, усеянным мелкими острыми зубами. Лю стало дурно, и она потеряла сознание. Потом ее везли куда-то на каком-то гигантском животном; сквозь полузабытье Лю почувствовала мерное покачивание и, когда открыла глаза, увидела себя лежащей на атласных подушках внутри ажурной беседки, укрепленной на широкой спине животного. Ее подруга лежала здесь же, на подушках; судя по тому, что она не подавала никаких признаков жизни, она спала или была без сознания. Это было последнее, что помнила Лю о себе, как о человеке.

Следующие воспоминания уже относятся к Лю – игрушечной обезьяне.

Она помнила, как впервые открыли ее коробку, вынули оттуда и посадили на магазинной витрине в один ряд с другими игрушками; как прикололи булавкой к животу бумажку с ценой; было не больно, но почему-то обидно.

Потом ее купил Аленин папа, и Лю навсегда поселилась в их доме.

Обезьяна видела, как год за годом росла Алена, и это ее удивляло, потому что для нее самой время остановилось, его как бы не существовало. Лю ощущала себя все той же пятнадцатилетней девочкой и жила только воспоминаниями из той, прежней жизни; но и они становились все более зыбкими и постепенно стирались из памяти.

И вдруг – голубая вспышка, как пробуждение от тяжелого кошмарного сна, в котором не можешь пошевелить ни рукой, ни ногой и убежать от надвигающейся на тебя опасности.

– Излучение цилиндрика буквально вернуло меня к жизни. Теперь я могу свободно двигаться, говорить. Я чувствую, я просто уверена, что постепенно вспомню все, – горячо произнесла Лю. – Может быть, я даже опять стану сама собой. Как ты думаешь?

И она с надеждой посмотрела на Алену.

Но та так увлеклась рассказом обезьяны, что пропустила последний вопрос мимо ушей. Все происшедшее с Лю было настолько невероятно, что Алена ни за что не поверила бы, расскажи ей это кто-нибудь другой. Но тут... вот оно – живое подтверждение слов обезьяны; можно даже протянуть руку и потрогать. Алена так и сделала, она коснулась пальцами мягкой искусственной шерсти на голове Лю и погладила ее. Лю благодарно прильнула к ее руке и тяжело вздохнула. Потом решительно отстранилась и сказала:

– Ладно, не время распускать нюни, надо выручать Алениных родителей. Да и самой Алене, я уверена, угрожает опасность. Лимонад, что ты думаешь по этому поводу?

Кот все это время лежал, положив голову на передние лапы и зажмурив глаза. На вопрос Лю он никак не отреагировал, и обезьяна, схватив кота за ухо, начала его легонько тормозить.

– Эй, соня, проснись! Без тебя все съедят.

Лимонад тряхнул головой и зевнул, слегка потягиваясь.

– Я полагаю, что эти мышки из одной норки, – пробормотал он.

– Да хватит тебе про мышей. Просыпайся уже.

– Я и не спал вовсе. Я думал.

– О чем же, интересно, ты думал? – спросила Лю с насмешкой в голосе.

– Я вычислял, сколько же тебе лет. И знаешь, что у меня получилось?

Кот замолчал и принялся тщательно вылизывать лапу, собираясь, очевидно, умыться.

Лю нетерпеливо шлепнула его по лапе. Лимонад удивленно посмотрел на нее, встретив упорный, выжидающий взгляд.

– Ах, да, – встрепенулся кот. – Так вот, Алене сейчас десять лет, так? Так! Тебе, когда ты попала в эту переделку, было пятнадцать. Значит...

– Значит, тебе, Лю, сейчас двадцать пять лет! – закончила за Лимонада Алена со смешанным чувством восторга и ужаса.

– Не совсем так, – невозмутимо молвил Лимонад. – Это было бы правильно, если бы мы точно знали, что Лю попала на прилавок магазина сразу, как только перестала быть человеком.

Тут кот сделал эффектную паузу и обвел всех хитрыми зелеными глазами.

– Но мы-то этого не знаем. А если между этими двумя событиями прошел год? Или десять? Может, она вообще мне в бабушки годится.

– Я таких внуков в детстве за хвосты таскала, – взъерепенилась Лю.

Но, по всей видимости, доводы Лимонада ее все же озадачили.

– Да не чувствую я себя старухой, пусть даже двадцатипятилетней.

Была девчонкой – девчонкой и осталась. – И Лю недоуменно пожала плечами.

– За хвосты... – обиженно пробормотал Лимонад. – На себя бы сначала посмотрела.

– Ребята, – взмолилась Алена, – давайте не будем ссориться. Неужели вам мало неприятностей. Давайте лучше подумаем, что нам делать дальше.

С Аленой трудно было не согласиться, и, отбросив мелкие обиды, странная компания принялась выработать план дальнейших совместных действий.

4. Лимонад отправляется в разведку

За окнами уже забрезжил рассвет, когда друзья наконец обсудили различные варианты развития событий и остановились на одном, самом, как им показалось, безопасном и доступном для воплощения. При этом все единодушно исходили из следующих, не подлежащих никаким сомнениям фактов:

Первое: Алениных родителей заколдовала Крокодиловна для того, чтобы заполучить волшебный цилиндрок, ей, по всей видимости, и предназначавшийся.

Второе: по расчетам Крокодиловны Алена тоже должна быть заколдована; о том, что этого не произошло, ей не известно; и это хорошо.

Третье: Крокодиловне также ничего не известно о Лю и о том, что один из секретов цилиндрика раскрыт; и это тоже хорошо.

И, наконец, четвертое: Крокодиловна ничего не знает об этом секретном заговоре против нее; и это просто здорово, потому что дает определенные преимущества в борьбе с ней.

План же действий состоял в том, чтобы и дальше сохранять в тайне тот факт, что Алenu не удалось заколдовать, как ее родителей. Для этого ей категорически запрещалось выходить из дома, открывать кому бы то ни было дверь и отвечать на телефонные звонки. Кроме того, предполагалось установить за Крокодиловной слежку с целью сбора информации о ее колдовской деятельности.

– Возможно, у нее есть какие-то колдовские книги, – говорила Лю, – в которых написано, как надо снимать заклятья. Или вдруг можно будет узнать, как пользоваться цилиндриком для этих же целей. Ну в общем, мало ли что. Короче говоря, надо засылать шпиона в логово врага. Пойду я.

Алена и Лимонад в один голос принялись возражать. Доводы их были просты и убедительны: ну не может игрушечная обезьяна среди бела дня лезть через форточку в чужую квартиру. Зато Лимонад на роль шпиона подходил просто идеально. Его кандидатура и была после недолгих препирательств со стороны Лю утверждена окончательно.

Когда план действий был обсужден во всех деталях, на улице совсем рассвело. Солнечный луч пробился в щель между оконными занавесками и осветил книжную полку со стоявшим на ней цилиндриком. Голубой свет померк окончательно, зато весь цилиндрок заискрился, заиграл разноцветными огоньками.

Алена встала на постели и потянулась рукой к цилиндрику. И тут произошел случай, наглядно показавший, что этот волшебный предмет нес в себе не только благо, но мог оказаться и весьма опасным в руках неумелых или чрезмерно беспечных.

Когда Алена взяла цилиндрок в руки, она нечаянно надавила сверху на голубой диск, и тот с мягким щелчком притянулся к цилиндрику, образовав с ним, как и прежде, единое целое. Алена услышала сзади глухой стук и, обернувшись, увидела Лю, неподвижно лежащую на полу с неестественно вывернутыми руками и ногами. Лимонад сидел рядом и, наклонив голову набок, укоризненно смотрел на девочку.

– Ой, что я наделала! – испуганно воскликнула Алена и бросилась судорожно пытаться отделить голубой диск от цилиндрика.

Руки сразу вспотели, пальцы сделались непослушными, и получилось так, что вместо одного диска отщелкнулись сразу два – голубой и желтый.

Яркий зеленый луч вырвался из цилиндрика, тонким светящимся жгутом протянулся через всю комнату и уперся в кресло, стоящее в углу рядом с торшером. Секунда... и кресло исчезло. Вернее, так показалось Алене сначала. И только потом, когда она уже почти в полной панике поставила диски на место, и луч исчез; только тогда она, успокоившись, смогла разглядеть рядом с торшером малюсенькое, совсем игрушечное креслице – точную копию боль-

шого, только что стоявшего на этом месте. Теперь на него можно было посадить разве что самую маленькую из Алениных кукол. Алена только покачала головой и опасливо покрутила цилиндрик в руках, рассматривая его со всех сторон. Потом она очень медленно и аккуратно отщелкнула все-таки один голубой диск. Лю пошевелилась и села на полу, потом она покрутила головой, подвигала туда-сюда руками и наконец, строго посмотрев на Алену, произнесла:

– Ты вот что, ты уж больше так не делай. Договорились?

Алена горячо заверила ее, что больше так никогда-никогда делать не будет. Более того, она предложила, чтобы цилиндрик постоянно находился у Лю. Для этого как нельзя лучше подошел бы карманчик на комбинезоне, в который была одета обезьяна. Карман идеально подходил по размеру и к тому же закрывался на «молнию». Все нашли это предложение разумным, и цилиндрик перекочевал в карман комбинезона Лю.

– Да, – задумчиво промолвил Лимонад, пробуя лапой миниатюрное креслице, – неплохо было бы иметь инструкцию к этой игрушке. Я имею в виду цилиндрик.

– Лимонад, тебе и карты в руки, – сказала Лю. – Собирайся-ка ты, брат, в разведку.

– Да, пожалуй, пора, – согласился кот. – Ну, я пошел.

– Смотри там, поосторожнее, – Алена погладила его по голове и почесала за ухом.

– Слушай, Лимонад, – вдруг спохватилась обезьяна, – а ведь ты так ничего о себе и не рассказал. И чего это ты вдруг стал говорящим?

– А чего рассказывать? Кот – да кот, только умный очень. А говорящим я всегда был, только меня никто не слышал.

И, сверкнув своими зелеными глазами, Лимонад направился к двери.

* * *

Большой рыже-полосатый кот медленно вышел на освещенный утренним солнцем двор. Брезгливо обходя встречающиеся на пути лужи, он с независимым видом направился к детской площадке, где несколько молодых мамаш уже выгуливали своих малышей. Выбрав уединенную скамейку, Лимонад, а это был, конечно, он, расположился на ней, подобрав под себя все четыре лапы. Вид у него был самый благодушный, и со стороны могло показаться, что кот пригрелся на солнышке и заснул. Но тот, кто бы так подумал, очень бы ошибся. Действительно, глаза у Лимонада были прищурены, но он отлично видел все, что творилось вокруг. И вот когда из своего подъезда вышла Даниловна и двинулась вдоль дома с традиционным утренним обходом, кот не спеша встал, потянулся, прыгнул на землю и потрусил в противоположном направлении, как бы по своим кошачьим делам.

Даниловна жила на первом этаже. Оба окна ее квартиры выходили во двор, и Лимонаду не составило никакого труда, уловив момент, быстро влезть в открытую форточку.

Внутреннее убранство квартиры несколько озадачило кота. Если честно, он ожидал увидеть темную, закопченную каморку с заросшими паутиной углами, возможно, даже с очагом и кипящим на нем котлом с каким-нибудь колдовским варевом. Ничего подобного не было. Квартира, хоть и однокомнатная, но оказавшаяся неожиданно довольно просторной, была обставлена с определенным вкусом и даже изысканностью. Массивная мебель темного полированного дерева была явно не из простого мебельного магазина, но больше всего Лимонада поразила японская электроника, дополнявшая общую картину. Он даже засомневался было, в ту ли квартиру попал, но, прикинув, решил, что ошибки быть не должно. Удивила его и глухая драпировка на окнах из тяжелого темно-зеленого бархата. Из-за нее в комнате было довольно сумрачно, почти темно, хотя Лимонад мог бы поклясться, что с улицы окна выглядели так, будто были завешаны легкими тюлевыми занавесками. Впрочем, темнота коту нисколько не мешала, скорее даже наоборот.

Кот тщательно обследовал всю квартиру, но не нашел ничего подозрительного или интересного; не было никаких колдовских книг, но если бы они вдруг и нашлись, что смог бы Лимонад в них понять – не известно.

Прошло около получаса. Скоро должна была вернуться хозяйка, и Лимонад решил, что пришла пора подыскать для себя подходящее убежище. Немного порыскав по комнате, он наконец забился под диван, найдя это место наиболее удобным, так как отсюда можно было не только подслушивать, но и подглядывать в случае необходимости. Кот спрятался вовремя. Не прошло и двух минут, как во входной двери щелкнул замок. Это, очевидно, вернулась Крокодиловна. Некоторое время она что-то делала в прихожей, потом раздался шум воды из ванной, а еще через несколько минут открылась дверь, и кто-то наконец вошел в комнату.

Лимонад осторожно выглянул из своего убежища и чуть не остолбенел: это была не Крокодиловна, вернее не та Крокодиловна, которую знал весь дом. В комнату вошла статная женщина, облаченная в длинное, в черно-красных тонах платье из плотной переливающейся материи. Длинные черные волосы, расчесанные на прямой пробор и схваченные серебряным обручем, надетым на голову, свободно падали на полуобнаженные плечи. На шее и руках поблескивали серебряные украшения.

Лимонад, забыв об осторожности, еще больше высунулся из-под дивана, чтобы получше разглядеть лицо женщины. Да, безусловно это была Даниловна, хотя узнать ее было довольно трудно. Она всегда казалась если не старой, то, по крайней мере, очень пожилой женщиной. Эту же назвать пожилой не повернулся бы язык; ни единой старческой морщинки на волевом, с налетом надменности лице. Его можно было назвать даже красивым, чего никогда нельзя было сказать о лице Даниловны. Но тем не менее, это был один и тот же человек.

Женщина опустила в кресло около журнального столика и закурила длинную коричневую сигарету. Она курила, откинув назад голову и прикрыв глаза. Иногда ее лицо искажала кривая усмешка, пару раз она даже тихо рассмеялась. От этого смеха по спине Лимонада пробежал холодок, и шерсть на загривке становилась дыбом.

Так прошло несколько минут. Сигаретный дым струился в полумраке комнаты, закручиваясь в воздухе причудливыми узорами и постепенно опускаясь вниз, к самому полу. Струйка дыма заползла под диван и достигла чувствительного носа кота, вызвав у него неудержимый зуд. Лимонад прикрыл нос лапой и осторожно почесал его.

Наконец Крокодиловна посмотрела на часы, затушила в пепельнице сигарету и включила телевизор. На экране диктор зачитывал какое-то длинное объявление. Женщина теперь сидела прямо, на самом краешке кресла, устремив пристальный взгляд на телевизор. При этом она нервно постукивала пальцами по полированной поверхности столика и время от времени нетерпеливо поглядывала на циферблат часов.

Лимонад не понял, в какой момент вдруг все изменилось; он только внезапно почувствовал, что диктор с экрана говорит что-то не то. Кот моментально наострил уши, настраиваясь на голос диктора и стараясь не пропустить ни слова.

– На этом наши утренние передачи закончены, – продолжал бубнить диктор. – Просим вас не забыть выключить свои телевизионные приемники. Повторяю: всех, кроме Корги, просим немедленно выключить телевизоры, иначе – я ни за что не ручаюсь. Считаю до трех и выжигаю у всех кинескопы, кроме Корги, конечно. Корги, Корги, эй! Я уже здесь. Сосредоточься. Ты сегодня что-то слишком рассеяна.

Диктор говорил это, глядя сквозь экран телевизора прямо в лицо Даниловне.

Она в свою очередь, как замороженная, смотрела на диктора немигающим взглядом, потом вдруг встрепенулась и склонила голову в поклоне.

– О учитель, ты как всегда непредсказуем. Каждый раз ты ставишь меня в тупик, – откровенно польстила Крокодиловна.

– Ладно, перейдем к делу, – оборвал ее диктор.

Изображение исказилось, по нему пошли помехи, и вдруг экран исчез. Вместо него была черная дыра в коробке телевизора, а за ней – леденящая душу пустота. Лимонад физически ощутил ее холодное дыхание. Потом из пустоты возникла темная фигура в огненно-красном

ореоле. Длинный балахон, накинутый на голову капюшон и горящие под ним желтоватым светом глаза – что-то смутно знакомое показалось Лимонаду в этом облике. Впрочем, думать об этом было некогда. Раздался низкий и грубый, совсем не дикторский голос:

– Корги, сегодня с тобой будет говорить Страж Чаши второй степени Ханнаг. Твой случай обеспокоил Стражей, о нем стало известно Верховному, и он приказал разобраться в этом досконально.

– Но я же все объясняла, Учитель, – голос Корги дрогнул, выдавая испуг.

– Если ты не виновна, тебе нечего бояться. Поговори с Ханнагом, – в голосе того, кого Даниловна называла Учителем, послышались вкрадчивые нотки.

Фигура в балахоне исчезла. Появилось объемное изображение человека, сидящего в высоком резном кресле. Ракурс изображения был таким, что казалось, будто Даниловна да и вся ее комната располагались у его ног. Одет он был в бордовый бархатный камзол, шитый золотом, и такие же штаны, заправленные в высокие кожаные сапоги с отворотами. Белые кружевные манжеты и воротник оттеняли смуглую кожу рук и лица. Само лицо, обрамленное длинными белокурыми волосами, было не лишено приятности, но горящие мрачным огнем глаза, как бы пронизывающие собеседника насквозь, вызвали ощущение почти панического страха.

Корги поспешно отвела глаза, склонившись в глубоком поклоне. Ханнаг, а это, по всей видимости, был именно он, подавшись вперед, некоторое время молча смотрел на нее, потом, откинувшись на спинку кресла и закинув ногу на ногу, произнес совсем не страшным, а довольно-таки приятным голосом:

– Корги, тебе было оказано высочайшее доверие: присвоено очередное звание и выдан личный виамулятор. Как же ты, Адепт второй степени, умудрилась его потерять?

– Господин, я действовала строго по инструкции. Очевидно, какая-то ошибка вкралась в расчеты ваших, то есть наших вычислителей. К тому же, осмелюсь заметить, я держу всю ситуацию под контролем, и скоро виамулятор будет у меня.

– Никакой ошибки не было и быть не могло. И если ты говоришь правду, тогда вся эта история представляется весьма странной, я бы сказал, подозрительно странной. Я должен буду провести тщательное расследование.

– Господин, Вы подозреваете чье-то вмешательство?

– Вот именно. А к кому попал грумба? Кстати, что с ним сейчас?

– Погиб. Изжарен и съеден. Его взяла одна женщина из нашего дома. Я ее хорошо знаю. Обыкновенная. Художник, рисует картинки для детских книжек. Ничем особенным не выделялась, разве что внешностью.

– Семья? – коротко бросил Ханнаг.

– Есть муж – летчик и дочка Алена десяти лет, – Корги на несколько секунд умолкла, задумавшись. – Да нет, обычная семья, для нас совсем не интересная. Если бы что, уж я бы заметила.

– Ладно, их пока оставим. Вспомни еще раз то утро во всех подробностях. Должно быть что-то необычное, какая-нибудь мелочь, на которую ты не обратила внимания.

Ханнаг впери в Корги свой горящий взгляд; та опять отвела глаза, не в силах его выдерживать. И вдруг ее, как молнией, пронзило воспоминание: солнечный зайчик. Ну да, как она могла забыть? Точно так же ей пришлось и тогда отвести ослепленные солнечным зайчиком глаза, одновременно балансируя руками, чтобы сохранить равновесие на подтаявшей ледяной корке и не скатиться в довольно глубокую лужу. Потом несколько мгновений ушло на то, чтобы обругать убегающего мальчишку с маленьким зеркальцем в руке. А в результате – опоздание в магазин, и грумба вместе с виамулятором попадает в чужие руки.

Корги тут же выложила Ханнагу эти обстоятельства своего похода за грумбой.

– Как выглядел мальчишка? Опиши его, – тут же насторожился Ханнаг.

Но ничего вразумительного кроме того, что ему было лет десять-двенадцать, Корги вспомнить не могла.

Некоторое время Ханнаг молчал, притушив горящий взгляд и углубившись в свои мысли. Потом уже спокойным тоном он продолжал:

– Хорошо. Рассказывай дальше.

– Так вот, грумба попал к Ирине, к художнице то есть. И они решили его в ванной откормить. Ну подумали, видно, рыба – да рыба.

Ханнаг удивленно поднял брови:

– Откормить грумбу в ванной? И сколько же времени они его выкармливали?

– Да недолго. В общем, до серьезной трансформации дело не дошло, но что-то он у них там натворить успел. Короче, позавчера вечером его зажарили.

– А виамулятор? Они его обнаружили? – вопрос Ханнага прозвучал как утверждение.

– Да, – Корги виновато потупилась. – Вчера я видела Алексея, летчика. Ну так я аккуратно его порасспросила. Да, говорит, сам не видел, но жена с дочкой нашли в рыбьем брюхе какую-то безделушку. Так что для них это только безделушка.

– Ты уверена, что они не догадаются или случайно его не включат?

– Не успеют, – в голосе Корги послышались торжествующие нотки. —

Они все попались. Я сумела заколдовать грумбу, и теперь, съев его, они все тоже подверглись моему воздействию.

– Какое применила колдовство?

Корги, как видно, ждала этого вопроса, потому что, услышав его, тут же преобразилась. Она расправила плечи, губы ее растянулись в торжествующей улыбке.

– О, это совершенно новое, очень изысканное колдовство, – гордо произнесла она.

Лимонад наострил уши и подался вперед.

– Я воздействовала на скорость распространения электрических импульсов по нервным волокнам. Мозг человека, как известно, посредством этих импульсов управляет всеми функциями человеческого организма. Так вот, я сделала так, что эта скорость постоянно и неумолимо уменьшается, и через девять суток она станет равной нулю.

– И они умрут?

Лимонад при этих словах Ханнага даже вздрогнул.

– О нет. Совсем нет. Зачем же нам, то есть Вам мертвые тела? К тому же, смею Вас уверить, очень качественные тела, молодые и красивые. Просто через девять дней они превратятся в куклы, живые неподвижные куклы. Если сейчас, на данный момент, они, к примеру, делают один шаг за три часа, то через девять дней – замрут окончательно. И тогда можно будет абсолютно беспрепятственно переправить их в Гальфар и отделить «облако» от оболочки. А мне остается мой виамулятор. Таким образом мы убиваем сразу двух зайцев.

Корги замолчала, торжествующе глядя на Ханнага. Тот сидел с отсутствующим взглядом, положив подбородок на сплетенные пальцы рук. Рот его кривила легкая усмешка. Казалось, все сказанное только что, он пропустил мимо ушей. Корги ждала, торжествующее выражение ее лица постепенно сменялось гримасой разочарования.

– Хорошо! – Неожиданно громко воскликнул Ханнаг. Корги при этом даже вздрогнула. – Мне нравится. Вот только есть ли гарантия, что их кто-нибудь не расколдует? Я слышал, что и на Земле есть люди, умеющие управлять тонкими энергиями.

– Ты говоришь о так называемых экстрасенсах. Ну их-то можно не бояться, они слишком слабы для такого колдовства. Уверяю тебя, о Господин, никто на Земле не сможет расколдовать их, а через девять дней это будет не под силу, прости, и Стражу Чаши. – И Корги склонила голову в поклоне.

– Ну что ж, в таком случае сегодня же проверь старое «окно». Будем производить переброску через него.

– Но ведь оно давно закрыто. После нескольких несчастных случаев была запрещена эксплуатация всего комплекса. Там все опечатано.

– Я сказал – старое, – жестко оборвал Корги Ханнаг. – Там, по крайней мере, никогда никаких осечек не было.

– Слушаюсь, Господин, – Корги опять низко поклонилась.

В этот момент у Лимонада неудержимо зачесался нос. Были тому причиной запах сигаретного дыма или пыль, скопившаяся под диваном и попавшая коту в нос – не известно, да и не важно. Важно было то, что как Лимонад ни старался, он не смог удержаться и в конце концов чихнул, уткнувшись мордочкой в лапы. В разговоре Ханнага с Корги как раз наступила пауза, и чих хоть и получился приглушенным, был все же отчетливо слышен в наступившей тишине.

Женщина и ее собеседник как по команде повернули головы в сторону дивана. Выражение лица Ханнага было злым, почти свирепым, у Корги – удивленно-испуганным.

Лимонад, забившись как можно дальше под диван и сжавшись в комок, приготовился к самому худшему. Больше всего ему сейчас хотелось провалиться сквозь пол, но пол был крепкий, и деваться было некуда.

Корги быстро встала, подошла к дивану и, опустившись на колени, заглянула под него. Лимонад совсем близко увидел ее настороженное лицо, бегающие по сторонам округлившиеся глаза. Он уже приподнял переднюю лапу и выпустил когти, чтобы вонзить их в руку, которая потянется к его загривку. Но тут случилось что-то странное. Корги пошарила глазами под диваном, при этом ее взгляд ни на мгновение не задержался на замершем в напряженном ожидании коте, потом поднялась с колен и, пожав плечами, разочарованно, но с видимым облегчением произнесла:

– Никого. Может, пружина скрипнула, иногда это бывает.

Ханнаг, все еще подозрительно глядя на диван, злобно проговорил:

– Не нравится мне все это, ох не нравится. В общем, разбирайся со своими пружинами сама. Только помни, ошибок больше быть не должно.

И исчез.

Комната опять приняла прежний вид. Телевизор стоял с потухшим экраном, вполне обычный телевизор. Корги с явным облегчением вздохнула и, поправляя на ходу прическу, вышла из комнаты. Лимонад не стал далее испытывать судьбу, он и без того узнал немало, и пулей вылетел через форточку во двор. Еще через несколько минут он был дома, где его с нетерпением и надеждой ждали Алена и Лю.

5. Слежка. В ледяной ловушке

Лимонад появился как раз вовремя. Алена уже вся извелась от неизвестности и тревоги за родителей. Когда Корги говорила, что они делают один шаг за три часа, она была недалеко от истины. Действительно, движения их замедлились настолько, что на первый взгляд казалось, будто взрослые люди играют в детскую игру «замри – отомри». Было неизвестно, понимают ли они сами, что с ними произошло что-то неладное. Ведь для них, очевидно, ускорилось время всего окружающего мира, и он вдруг пустился вскачь. Ночь для них, должно быть, продолжалась всего несколько минут. Судя по удивленному маминому лицу, обращенному к окну, так оно все и было. А движения Алены, спокойно ходившей по комнате, были для родителей столь быстры, что они просто не видели свою дочь, как человек не может видеть летящую пулю. Все это приводило Алену в отчаяние. Несколько раз она порывалась вызвать «скорую помощь», но Лю удавалось отговорить ее.

Когда Лимонад увидел заплаканные Аленины глаза и узнал, в чем дело, он тут же категорически заявил:

– Никаких врачей! Это абсолютно бесполезно, а может, даже и вредно. Начнут лечить неизвестно от чего и только навредят. У нас в запасе есть целых девять дней. Вот послушайте.

И Лимонад, стараясь не упустить ни одной детали, подробно рассказал Алене и Лю обо всем, что услышал и увидел в квартире Корги. Не стал рассказывать он только о заключительном эпизоде своей шпионской миссии, решив не забивать всем головы еще и этой загадкой.

– В общем, девчонки, у них там настоящее колдовское гнездо, – закончил Лимонад свой рассказ.

Лю, все это время нервно ходившая по комнате взад-вперед, остановилась и задумчиво произнесла:

– Да нет, гнездо у них, похоже, где-то в другом месте. Корги, судя по всему, всего лишь простая пешка, а крупные фигуры... – тут обезьяна замолчала, почесывая затылок. – Кстати, а что такое Гальфар? Мне это слово определенно знакомо. В общем, загадок явно больше, чем ответов на них. Но главное мы узнали: родителей твоих расколдовать можно, хотя время для этого ограничено девятью днями. Загвоздка только в том, что сделать это сможет только сама Корги.

– Или те, кого она называет стражами Чаши, – вставил Лимонад.

– Да, или они.

– Я пойду к Крокодиловне и попрошу расколдовать маму и папу, – решительно сказала Алена. – Отдам ей цилиндрик, или как там его, виамулятор. Ведь это все из-за него.

– Ты и родителям не поможешь, и себя погубишь, – возразила Лю. – Как только Корги получит свой виамулятор, она сделает все, чтобы избавиться от свидетелей своих темных делишек. Не думай только, что я отговариваю тебя, потому что сама являюсь лицом заинтересованным.

– Ой, – спохватилась Алена, – я совсем забыла, извини.

– Да ничего, все нормально. В крайнем случае, если не останется ничего другого, можно будет попробовать и этот вариант. Только поставь условие, что виамулятор мы отдадим после того, как родители будут расколдованы. Ну а пока у нас есть девять дней, будем действовать по-другому.

– А как? – Алена посмотрела на обезьяну с надеждой и восхищением.

– Мы пойдем за Корги по пятам. Сегодня она будет проверять какое-то «окно» для переброски, помните? Мы должны ее выследить и узнать, что это за «окно». А дальше будет видно. Собираемся?

– Собираемся, – бодро поддержала Алена.

– А я уже готов, – доложил Лимонад.

– Отлично. Тогда, Лимонад, давай во двор, и не спускай глаз с ее подъезда. Алена, одевайся по-походному. И желательно, чтобы Корги не могла тебя узнать. А вот что делать мне? – Лю задумалась. – Не могу же я спокойно разгуливать по улицам при всем честном народе.

– Давай, я понесу тебя на руках, – предложила Алена.

– Нет, так тебя надолго не хватит, – возразила Лю.

И действительно, она была, может, и не очень тяжелой, но по размерам довольно большой игрушкой. Алена задумалась, внимательно осматривая комнату. И тут ее взгляд наткнулся на цветастый рюкзачок, с которым она ходила в школу. Алена вытряхнула из него учебники и тетради и подставила обезьяне.

– Ну-ка полезай.

Лю не заставила себя долго упрашивать и через секунду уже сидела в рюкзачке, высунув наружу только голову.

– Ну что ж, мне, например, очень удобно. Не знаю, как будет тебе, – произнесла она с довольным видом. – По-моему, в Японии или в Китае так носят детей.

– У нас тут хоть и не Китай, зато имя у тебя вполне китайское. Так что все правильно, – отозвалась Алена, подыскивая себе в шкафу одежду. Немного покопавшись, она наконец надела джинсы, легкую, но теплую непромокаемую куртку, на ноги – высокие кожаные кроссовки. Дополняла гардероб легкая вязаная шапочка, которую Алена постаралась натянуть как можно глубже на уши.

– А ты неплохо замаскировалась, – одобрила ее Лю, – издалека тебя можно принять и за мальчишку.

– Будем надеяться, что Крокодиловна меня не узнает, – сказала Алена, забрасывая рюкзачок за спину. – А ты смотри там, сиди тихо, не высовывайся.

Она окинула прощальным взглядом свою комнату; что-то подсказывало ей, что не скоро она вернется сюда. Попрощалась Алена и с родителями, обняв по очереди маму и папу.

– Мы вас спасем, обязательно спасем, – прошептала она, сдерживая закипающие слезы.

* * *

Из дома они вышли как раз вовремя. Не успела Алена присесть на скамейку возле пригревшегося на солнце Лимонада, как из своего подъезда вышла Корги. Надо сказать, что и она замаскировалась неплохо. Алена никогда не узнала бы ее в молодой стройной женщине, одетой в элегантный светлый плащ. Но Лимонада, который уже видел, как умеет перевоплощаться Крокодиловна, обмануть было невозможно.

Колдунья прошла по двору, завернула за угол дома, вышла на улицу и направилась к трамвайной остановке. Алена следовала метрах в пятидесяти позади нее, стараясь держаться за спинами прохожих, в то же время, ни на секунду не выпуская Корги из вида. Лимонад же вел себя более свободно; он шнырял по сторонам, забегал вперед почти вплотную к Корги, или наоборот, плелся где-то сзади. Из-за этого преследователи чуть было не упустили колдунью, когда та села в трамвай. Сама Алена заблаговременно обратила внимание на вывернувшийся из-за поворота вагон и увидела, что Корги ускорила шаги. Тогда и она, уже не скрываясь, бросилась бежать и была на остановке как раз вовремя; одни пассажиры уже вышли, другие только заходили в вагоны. Корги села в первый вагон, а Алена стояла перед открытой дверью второго и растерянно оглядывалась по сторонам: Лимонада нигде не было. Алена поняла, что вот сейчас трамвай уедет, и оборвется та тонкая ниточка, на которой держится надежда на спасение близких ей людей. Она взялась за поручень и шагнула на подножку. Трамвай тронулся, Алена последний раз оглянулась; и тут, пролетев мимо закрывающейся двери и едва не сбив ее с ног, прямо ей в руки прыгнул запыхавшийся Лимонад.

Алена не удержалась и ущипнула кота за ухо.

– Ладно, с тобой мы потом разберемся, – тихо сказала она и прошла на переднюю площадку. Отсюда хорошо просматривался весь первый вагон, так как пассажиров в это время дня было немного. Поэтому слежка в трамвае прошла без каких-либо осложнений.

Корги вышла из вагона на остановке «Парк Покорителей Полюса». Почти рядом с трамвайной остановкой высились помпезные каменные ворота, украшенные скульптурными изображениями полярников и белых медведей. За воротами и начинался парк, коротко называемый в народе «Три П». Был он разбит на самой окраине города и плавно переходил в пригородный лесной массив. Поэтому наряду со всяческими увеселительными заведениями, характерными для любого парка, здесь были и великолепные дубовые аллеи, и веселые березовые роши, и просторные солнечные поляны, и даже большой ухоженный пруд. Недаром «Три П» был любимым местом отдыха горожан.

И вот именно сюда, сама того не ведая, привела Алену и ее спутников колдунья Корги. Алена чувствовала, что цель их путешествия уже близка, и не ошиблась. Пройдя центральной аллеей парка, Корги свернула на одну из боковых дорожек. Еще пять минут ходьбы, и она оказалась перед металлической сеткой, ограждавшей довольно большую площадку, заставленную всевозможными конструкциями и механизмами, созданными исключительно для развлечений. Тут были различные качели, центрифуги, карусели, гигантские шаги, автобаны и другие аттракционы. Глядя на облупившуюся краску и проступившую сквозь нее ржавчину, можно было с уверенностью сказать, что эти приспособления уже очень давно не использовались по своему прямому назначению. А висевший на железной калитке огромный ржавый замок убеждал в этом окончательно.

Пока Корги возилась с замком, Алена, притаившись за деревом, сняла рюкзачок и выпустила Лю на волю. Лимонад был здесь же, теперь он старался держаться поближе к девочке. Друзья собрались кружком и коротко, тихим шепотом обсудили положение дел. Лю предложила дальнейшее преследование предоставить только ей и Лимонаду, Алене же надлежало оставаться в укрытии и ждать их возвращения. При этом, считала обезьяна, опасность того, что Корги обнаружит слежку, была наименьшей. Алена категорически отвергла этот план и пообещала быть предельно осторожной. На том и порешили.

Корги открыла калитку, зашла за ограду и уверенным шагом двинулась вперед, лавируя между проржавевшими металлическими конструкциями. Друзья последовали за ней, причем Лимонад шел первым, готовый в любую секунду предупредить Алену и Лю об опасности. Первым он увидел и цель, к которой так стремилась Корги.

– Я так и знал, – пробормотал Лимонад себе под нос, когда увидел, как колдунья воровато оглянувшись по сторонам, проскользнула в обветшавший павильон с выцветшей красной надписью «Пещера ужасов».

Через несколько секунд к Лимонаду присоединились Алена и Лю.

– Да ведь это же ... – медленно протянула обезьяна, в изумлении глядя на павильон и так и не закончив фразу. Кот только несколько раз кивнул головой.

– По крайней мере мы кое-что об этом уже знаем, – рассудительно сказала Алена. – Корги там?

– Там, – кивнул Лимонад. – Я бы мог потихоньку залезть внутрь.

– Нет, это очень опасно, – возразила Алена. – Подождем, пока она выйдет, а потом посмотрим, что там.

И вся компания притаилась за детской каруселью, откуда хорошо просматривался вход в павильон. Через несколько минут оттуда донеслось приглушенное гудение, потом раздался металлический лязг, и вагонетка, стоявшая первой около входа, вкатилась в «пещеру». Какое-то время шум в павильоне продолжался, потом все стихло. Вскоре из павильона показалась Корги и, посмотрев по сторонам, быстро пошла к выходу с площадки аттракционов. Друзья

подождали, пока ее светлый плащ не скрылся из вида, и осторожно направились к «Пещере Ужасов».

* * *

В павильоне стояла кромешная тьма, и Алене потребовалось несколько минут, чтобы глаза хоть немного привыкли к ней. Постепенно она начала смутно различать очертания окружающих предметов. Алена шагнула вперед и чуть не упала, споткнувшись о рельсы, проложенные по полу.

– Осторожно, – прошептала Лю, – будь повнимательней, а то покалечишься.

– Да я и так внимательна, но ведь ничего ж не видно, – с досадой ответила девочка. – Эх, жаль, не взяли фонарик.

– Как не видно? – удивилась Лю.

И тут оказалось, что она вполне прилично видела в темноте, а уж о Лимонаде и говорить было нечего.

– Да, – глубокомысленно произнес кот, – все-таки люди такие несовершенные существа. Ты, Лю, должна радоваться, что стала тем, чем стала. Ты видишь в темноте, как кошка, тебе не страшны болезни, возможно, тебя даже нельзя убить. В общем, одни сплошные преимущества.

– Нет, Лимонад, – грустно возразила Лю, – быть человеком – это здорово. Впрочем, тебе этого не понять. Хорошо, конечно, что теперь у меня есть этот самый виамулятор, но...

– Конечно, виамулятор, – радостно воскликнула Алена. – Давай-ка его скорей. Вот он-то и будет нашим фонариком.

– Как это я сама не додумалась? – сокрушалась Лю, расстегивая карман на груди и вытаскивая оттуда волшебный цилиндр.

– Все вокруг сразу озарилось уже знакомым, неестественно синим светом. Лю отдала виамулятор Алене, и та, держа его, словно свечку, горящую ровным голубым пламенем, двинулась вперед по рельсовому пути.

По сторонам то и дело попадались уже знакомые по рассказу обезьяны «ужасные» вещи. Тут были и скелеты, и летучие мыши, и палач в красной маске и многое другое. Все это было сделано из папье-маше, искусственного меха, гипса и фанеры и покрыто толстым слоем пыли и паутины.

Маленький отряд медленно продвигался вперед. Рельсы время от времени делали резкие повороты. Алене от всей этой обстановки было немного не по себе, но ничего сверхъестественного на их пути пока не встретилось. И вот на одном из поворотов рельсовый путь разделился на два: один уходил налево и вниз под уклон, другой по крутой дуге поворачивал направо и упирался, как показалось, в глухую стену. Как на настоящей железной дороге, рельсы переводились с помощью миниатюрной автоматической стрелки. Кабель от нее тянулся по полу к находящемуся неподалеку деревянному столбу, служащему опорой для кровли павильона. На столбе, на уровне Алениного роста был прикреплен электрический рубильник. На рельсах, поворачивающих направо к стене, стояла вагонеточка с креслами; очевидно, та самая, которая совсем недавно въехала в «пещеру». Алена подошла к столбу и положила руку на рубильник.

– Ну что, попробуем? – она выжидательно посмотрела на кота и на обезьяну.

– Давай, – согласилась Лю. – Только осторожно. Чуть что, сразу выключай.

Алена помедлила еще секунду и опустила рукоятку рубильника. Послышалось уже знакомое гудение, и вагонетка, лязгая колесами и все наращивая скорость, покатила к стене.

– Сейчас будет маленькое железнодорожное крушение, – плотоядно сказал Лимонад, потирая передние лапы и глядя, как неумолимо сближаются вагонетка со стеной.

– Не будет, – возразила Алена, выключая рубильник. Вагонетка с визгом остановилась в метре от препятствия.

– Правильно, – поддержала Лю. – Крушение нам ни к чему. Надо все как следует обследовать. Возможно, там есть замаскированный ход.

И друзья с энтузиазмом первооткрывателей направились к стене. Когда они поравнялись с вагонеткой, сзади внезапно ударил сноп яркого света. Вскрикнув от неожиданности, Алена обернулась, прикрывая глаза рукой. Яркий фонарь или прожектор бил прямо в лицо, ослепляя и не давая возможности что-либо разглядеть. Потом прожектор заслонила высокая темная фигура. Яркий свет создавал вокруг нее сияющий ореол, в то же время сама фигура оставалась черной, как солнце в момент полного затмения. Однако Алене показалось, что она ее узнает: длинные распущенные волосы, знакомого покроя одежда. А когда зазвучал голос, хотя манера речи и была незнакомой, сомнения развеялись окончательно. Это была Корги. Страх стальным обручем сдавил горло девочки, перехватив дыхание.

– Так вот кто за мной шпионил, – говорила между тем Корги, не скрывая легкого удивления. – Значит, ты не попробовала жареной рыбки. Зря-зря, твоя мама очень вкусно готовит. Не хорошо с твоей стороны так обижать маму, она же старалась. А кто там у нас еще? Ага, кот. Ну это понятно, если кто-то где-то напакостил – ищи кота.

При этих словах Лимонад весь передернулся и вспрыгнул на кресло вагонетки, укрывшись за его спинкой от яркого света и взгляда Корги.

– А это что за чучело – рот до ушей? Похоже, старая знакомая. Наверняка переселенная, – эти слова Корги относились уже к Лю.

Пока колдунья говорила, Алена успокоилась; страх, сковывающий тело, прошел. Девочка взяла обезьяну на руки и медленно отступила за вагонетку. А Корги, между тем, продолжала свой монолог:

– Ладно, слушай, Алена, тебя же ведь Аленой зовут? Если не хочешь стать такой, как твоя обезьяна, отдай мне виамулятор. Он ведь у тебя. Такой разноцветный цилиндрок. Ну, будь умницей.

В голосе Корги послышались вкрадчивые, почти ласковые нотки.

– Хорошо, – решительно и звонко воскликнула Алена, – я отдам тебе твой виамулятор, если ты расколдуешь маму и папу.

– Конечно, расколдую, обязательно расколдую, – охотно согласилась Корги. Ну, давай виамулятор, бросай его сюда. Я поймаю.

Все дальнейшее произошло настолько быстро, что Алена не могла толком объяснить, почему она действовала именно так. Одно она знала совершенно точно: никакого конкретного плана у нее на тот момент в голове не было. Алена шагнула вперед, встала на вагонетку. Опустив Лю на сидение рядом с Лимонадом, она протянула правую руку с зажатым в ней виамулятором к Корги. В этот момент лицо девочки оказалось за пределами светового луча, теперь он не слепил глаза, и Алена наконец отчетливо увидела колдунью. Та стояла возле столба с рубильником, одной рукой держась за его рукоятку, вторую – протянув Алене. Глаза ее горели торжествующим огнем, на губах играла зловещая улыбка.

И тут пальцы Алены, как бы сами собой, сделали неуловимое движение. Раздался легкий щелчок, из виамулятора вырвался ярко-зеленый луч и ударил прямо в лицо Корги. Почти одновременно с этим вагонетка резко дернулась, срываясь с места и едва не сбросив Алену. Девочка с трудом сумела удержаться на креслице. Последнее, что она видела, была крохотная извивающаяся фигурка Корги, висевшая на рукоятке рубильника и что-то пищавшая тоненьким голоском.

Потом наступила темнота.

* * *

Вагонетка выкатилась из тьмы под своды огромной пещеры. Гигантские ледяные сосульки свешивались с терявшегося где-то вверху потолка; некоторые из них, достигнув пола,

превратились в настоящие колонны. Тысячи разноцветных искр вспыхивали на их хрустальной поверхности, а толщу льда время от времени пронизывали всполохи холодного огня.

Лю с волнением смотрела по сторонам. Ей-то эта пещера была уже знакома. Казалось, только вчера она на такой же вагонеточке проехала по этому пути. Алена, судя по выражению ее лица, была в полном восторге. Одно дело – слушать чьи-то рассказы, и совсем другое – увидеть все воочию, своими глазами.

Лимонад отнесся к прелестям ледяного царства довольно сдержанно, он, вытянув шею, напряженно всматривался вперед и к чему-то принюхивался, втягивая воздух своим чувствительным носом.

– Красота-то какая, – восхищенно прошептала Алена. Ее голос, несмотря на шум колес, прозвучал очень отчетливо. Он, казалось, даже усилился, многократно отразившись от ледяных глыб.

– Да уж, – пробормотал кот. – Но если я хорошо помню рассказ Лю, там нас ждут вещи куда как менее красивые и приятные.

Алена и Лю повернули головы и посмотрели, куда показывал Лимонад.

Вагонетка к этому моменту уже вышла на финишную прямую перед туннелем в стене пещеры. Вход в него отчетливо выделялся чернильно-темным пятном, в котором растворялись, исчезали рельсы.

– Быстро прыгаем, – решительно скомандовала Лю и первой покинула вагонетку. За ней последовали Алена и Лимонад. Они проводили взглядом опустевший экипаж, пока он не исчез в черном провале, потом посмотрели друг на друга.

– Ну, что будем делать? – обратилась Алена к друзьям.

– Наверное, надо вернуться назад, – без особого энтузиазма отозвался Лимонад.

– Но ведь там Корги. Наверняка она нас поджидает, если только не пустилась в погоню, – сказала Лю.

– Я ее уменьшила, – скромно вставила Алена.

– Ты ее... чего? – с изумлением переспросил Лимонад.

– Помнишь то кресло в моей комнате? Вот я и ее так же.

Алена подбросила на ладони виамулятор, который все это время был зажат у нее в кулаке. И тут она увидела, что все пять его дисков, включая голубой, плотно прижаты друг к другу и составляют монолитный цилиндр. Соответственно не было никакого свечения, то есть виамулятор был выключен. Алена с беспокойством посмотрела на обезьяну. Та, как ни в чем не бывало, спокойно сидела на обломке скалы, подперев голову руками.

– Лю, ты как себя чувствуешь?

– Да нормально, а что мне делается-то, – беспечно ответила обезьяна, но тут же настожила: – А почему ты спрашиваешь?

– А вот почему! – и Алена показала выключенный виамулятор.

Несколько секунд Лю смотрела на него непонимающим взглядом, а когда до нее наконец дошло, закричала что-то радостное и бросилась обнимать кота.

– Ура! Значит, что-то во мне меняется к лучшему, раз я уже обхожусь без этой штуки.

– погоди радоваться, – охладил ее пыл Лимонад, – может быть, это возможно только здесь, в пещере.

– Может быть, может быть, – не унималась веселая обезьяна Лю, – но факт остается фактом.

– Ладно, это все, конечно, хорошо, – вмешалась Алена, – но давайте подумаем, что нам делать дальше.

Посоветовавшись еще немного, решили все-таки идти назад.

И вот наши путешественники двинулись в обратный путь. Несколько минут они шли, огибая скалистые выступы и лавируя между ледяными колоннами. После очередного поворота

перед ними выросла глухая каменистая стена. Рельсы уходили в ее толщу, но никакого туннеля или прохода там не было.

– Что-то в этом роде я и ожидал, – сказал Лимонад с чувством какого-то удовлетворения, смешанным с обреченностью.

– Что же делать? – Алена похлопала ладонью по шершавой холодной поверхности скалы и растерянно посмотрела на своих спутников.

В пещере было довольно холодно, и, несмотря на теплую одежду, девочка начала понемногу замерзать. Увидев, что она зябко ежится, Лю обратилась к Лимонаду:

– Котик, миленький, давай-ка ищи выход, а то мы тут замерзнем.

Лимонад с сомнением посмотрел на обезьяну, сшитую из искусственного меха, но возражать не стал. Он покрутил головой в разные стороны, потянул носом воздух и, велел дожидаться его, не сходя с этого места, скрылся за ближайшей ледяной глыбой.

– Как ты думаешь, что с нами было бы, если бы мы поехали дальше? – спросила Алена обезьяну.

– Не знаю, что бы было со мной, но с тобой, возможно, проделали бы то же, что и со мной когда-то.

– Лю, а ты не вспомнила, что же все-таки с тобой тогда произошло? Как тебя смогли сделать игрушкой? И почему именно игрушкой?

– Нет, не вспомнила. Но рассказ Лимонада о том, что он услышал от Корги, навел меня на некоторые мысли. Помнишь, когда речь зашла о твоих родителях, прозвучала фраза насчет оболочки или какого-то там облака, если, конечно, Лимонад точно пересказал услышанное. А потом это выражение – перемещенная, сказанное Корги в мой адрес. Так вот, мне кажется, я догадываюсь, в чем тут дело. И тогда мое перевоплощение можно легко объяснить...

Но тут появился Лимонад, и Лю прервала свои размышления.

– Ну что? – в один голос воскликнула Алена и Лю.

– Кажется, выход есть. Пошли за мной.

И Лимонад повел девочек одному ему знакомой дорогой. Несколько минут они без всяких усилий, как на прогулке, шли по ровному полу пещеры; потом все чаще и чаще им приходилось обходить громадные валуны и перелезать через груды камней. Но самым трудным было залезть вверх по скале к небольшой расщелине в стене пещеры, зияющей на довольно приличной высоте. Подъем был достаточно крутым, а поверхность скалы, испещренная многочисленными впадинами и выступами, как назло во многих местах была покрыта ледяной коркой. Лимонад очень легко, даже не запыхавшись, взлетел наверх. Лю, как это ни странно, тоже проявила изрядную ловкость и альпинистскую сноровку, а вот Алене было тяжело, ей пришлось очень внимательно и аккуратно выбирать место для каждого следующего шага, чтобы не скатиться вниз и не ушибиться. Пару раз нога у нее срывалась со скользкого выступа. Казалось, еще мгновение – и девочка упадет, но каким-то чудом Алена цеплялась за скалу и упорно продолжала подъем. Но вот наконец и она добралась до расщелины. Там было совсем темно, но, к счастью, виамулятор можно было использовать как фонарик, и Алена не замедлила этим воспользоваться. Расщелина была очень узкой, два человека навряд ли смогли разойтись здесь, а в некоторых местах стены ее сходились настолько, что Алене приходилось протискиваться боком.

– Лимонад, – с беспокойством спросила Алена, – а ты уверен, что мы идем правильно? Там точно есть выход?

– Должен быть. Я чувствую поток свежего воздуха.

Тут Алена поняла, что уже какое-то время ощущает на лице легкое дуновение ветерка. «Значит, не показалось», – с облегчением подумала она.

Между тем стены расщелины почти совсем сомкнулись, и пробраться вперед можно было только в самом низу, где оставалось что-то наподобие лаза. Лимонаду и Лю это нисколько

не мешало, а Алене пришлось двигаться ползком. К счастью, лезть таким образом пришлось недолго, иначе Алена не только разодрала бы джинсы, но и поранила колени и локти об острые камни, устилавшие дно расщелины. Через несколько метров лаз закончился, путь преграждал большой камень. Края камня не очень плотно прилегали к стенкам лаза, образуя довольно широкие щели, через которые с негромким гудением врывались потоки свежего воздуха. Иногда они усиливались, и гудение переходило в свист.

Алена положила руку на камень и почувствовала легкое содрогание. Она попробовала надавить на него, и камень явственно качнулся вперед.

– Братцы, я думаю – это выход, – обратилась Алена к Лимонаду и Лю. – Давайте-ка все вместе.

И они дружно навалились на камень. Тот подался еще больше и вдруг резко ухнул вперед и вниз. Никто из друзей этого не ожидал, и все трое покатались вслед за камнем куда-то в темноту.

* * *

Снаружи бушевала настоящая буря: ревел ветер, в лицо хлестали тугие струи дождя, кромешную тьму время от времени вспарывали ослепительные оранжевые и зеленые вспышки молний; при этом раздавались такие оглушительные раскаты грома, что казалось, будто и земля, и небо раскалываются на части. В воздухе стоял запах гари.

Алена скатилась по довольно крутому, каменистому склону и лежала теперь, вцепившись руками в ветви какого-то куста, попавшегося на ее пути. К счастью, падение не причинило ей особого вреда, не зря папа в свое время обучал ее правилам поведения в экстремальных ситуациях. И вот теперь это пригодилось: Алена сумела вовремя сгруппироваться. Но, тем не менее, пара-тройка синяков на руках и ногах была ей обеспечена.

Однако не это беспокоило девочку сейчас: Лимонад и Лю – их не было рядом. Алена пробовала звать друзей, но ее крики тонули в шуме дождя, вое ветра и оглушительных раскатах грома. Молнии сверкали с удивительным постоянством и периодичностью: зеленая – оранжевая, зеленая – оранжевая. Казалось, где-то в небе включена гигантская цветомузыкальная установка, сопровождающая яростную мелодию бури.

Алена, продолжая одной рукой держаться за куст, другой – прикрыла лицо от ветра и дождя и огляделась вокруг. Как ни коротки были вспышки молний, ей удалось разглядеть, что она лежит почти у самого подножия горы, вершина которой терялась в тяжелых клубящихся тучах. Чуть ниже склон становился более пологим, и там росли какие-то деревья, еще дальше начинался настоящий лес. Сколько Алена ни вглядывалась, ей так и не удалось заметить поблизости ни Лю, ни Лимонада. Зато она увидела кое-что менее приятное: время от времени сверху по склону горы то тут, то там скатывались камни – чаще не очень крупные, но иногда и довольно большие валуны, способные причинить серьезные неприятности. Алена поняла, что дальше оставаться здесь небезопасно и, отцепившись от куста, осторожно спустилась вниз к деревьям. Переведя дыхание под одним из них, и несколько раз безрезультатно покричав кота и обезьяну, девочка двинулась к лесу. Возможно, именно там укрылись от бури Лю и Лимонад.

Лес стонал всеми своими деревьями, сверху постоянно слышался треск и шум падающих веток. Зато раскаты грома стали как будто тише. Алена пробиралась вперед через густой подлесок и продолжала звать друзей. Но тщетно, ответом ей было только завывание ветра в кронах деревьев. Один раз девочке показалось, что она что-то услышала в ответ на свои призывы. Алена замерла, вытянув шею и прислушиваясь; действительно, к шуму бури примешивался какой-то новый далекий звук, размеренный и мощный, как дыхание исполинского животного. Но ответа друзей по-прежнему не было.

Сколько времени прошло в блужданиях по лесу, Алена не знала. Она давно уже потеряла ориентацию в пространстве и шла наугад, выбиваясь из последних сил. Наконец, споткнувшись

о выступающий из земли корень дерева, она почти без чувств упала в мокрую траву. «Все, больше не могу, – вяло шевельнулась в голове мысль. – Жаль только, опять заболят уши».

И тут Алена почувствовала, что почва под ней заходила ходуном, было ощущение, что по земле, как по морю, прокатываются волны, и с каждой секундой волны становятся все выше и выше. Алена в страхе попыталась встать, но тут ей показалось, что земля встала дыбом; девочку подбросило в воздух, и она потеряла сознание.

6. Знакомство с дядюшкой Зэндом

Алена открыла глаза и тут же опять зажмурилась: прямо в лицо золотыми брызгами ударило солнце. Уворачиваясь от него, Алена резко села в кровати; да она была на кровати, вернее сказать, на небольшом деревянном диванчике с красивой резной спинкой, стоявшем около окна в довольно просторной светлой комнате, обставленной такой же деревянной резной мебелью. Створки окна были приоткрыты, и легкая ажурная занавеска слегка колыхалась от дуновения свежего утреннего ветерка. Луч солнца дробился в ее узорах и плясал по подушке веселыми солнечными зайчиками.

«Так вот кто меня разбудил», – подумала Алена и улыбнулась. На душе было легко и спокойно. Она огляделась по сторонам и увидела, что ее одежда, сухая и чистая, аккуратно разложена на придвинутом к дивану стуле. Алена быстро оделась и подошла к столу, стоявшему у другого окна. На столе красовалась сковородка с огромной, еще дымящейся яичницей и поджаристыми кусочками сочного розового мяса; рядом на тарелочке лежал нарезанный крупными ломтями ноздреватый золотисто-желтый хлеб с аппетитной румяной корочкой. Тут же была большая чашка молока и вазочка с каким-то вареньем. Только теперь, глядя на все это великолепие и вдыхая изумительные ароматы, Алена поняла, насколько она проголодалась. Не в силах сдерживаться, она села за стол и принялась за еду, разумно рассудив, что раз уж кто-то о ней позаботился, то и завтрак, очевидно, приготовлен также для нее.

Насытившись, девочка подошла к окну и, откинув занавеску, распахнула его настежь. На какое-то время она замерла от удивления и восторга: окно выходило в настоящий сад, но что это был за сад! Цветы самых немислимых форм и расцветок стеной подступали к самому окну. Чуть дальше росли низкорослые раскидистые деревья, причем одни ветви дерева были усыпаны цветами, другие – совсем еще зелеными завязями, а третьи – клонились к земле под тяжестью налитых спелых плодов. К тому же и плоды были необычные: круглые, веретенообразные, дисковидные, похожие на грушу, попадались даже плоды, напоминающие гантели и большие полосатые бублики.

Все в саду благоухало и испускало такие ароматы, что у Алены немного закружилась голова. Она бросилась к другому окну и... обомлела: здесь был край земли. То есть из окна просматривалась довольно пустынная местность, поросшая травой и редким низкорослым кустарником, простиравшаяся вперед только метров на пятьдесят. А дальше не было ничего, только небо какого-то странного, необычного цвета.

Тут Алена вдруг осознала, что уже давно слышит знакомые по ночным блужданиям звуки, размеренные, как дыхание. Только теперь это было дыхание большого и доброго существа. Внезапная догадка, словно вспышка молнии, озарила ее. Девочка выбежала из комнаты, спустилась с крыльца и бросилась туда, к самому краю земли. Звуки дыхания становились все громче и громче, а небо – все ближе и ближе. И вот Алена остановилась, дальше бежать было некуда. Замерев, она в восторге глядела перед собой. Вот оно, раскинулось куда только хватает глаз, огромное, живое. Дышит и переливается на солнце. Море!

– Море! – радостно закричала Алена и стала махать ему руками.

Раньше она уже бывала на Черном море. Родители возили ее туда два раза подлечить уши, но тогда она была еще слишком мала и почти ничего не помнила. Так что все представления о море Алена почерпнула из книжек и кинофильмов. И вот теперь она видела его воочию, совсем близко.

Обрыв, на краю которого стояла девочка, был высоким, метров двадцать пять – тридцать, но достаточно пологим для того, чтобы по нему можно было спуститься, не рискуя свернуть себе шею. Немного в стороне Алена увидела хорошо утоптанную тропинку, серпантинном спускавшуюся к песчаному пляжу, широкой, слегка извилистой полосой протянувшейся с востока

на запад. Песок на пляже был сочно-желтым, почти оранжевым; кое-где из песка выступали красновато-бурые, обточенные волнами камни.

Вообще, в окружающем пейзаже преобладали золотисто-оранжевые тона. Вот и небо имело голубой цвет только на западе; в зените оно было желто-зеленым; по мере продвижения на восток становилось ослепительно-желтым вокруг большого солнечного диска, а дальше к горизонту разливалось розовой карамелью.

Приглядевшись, Алена, кажется, поняла, в чем дело: солнце было не таким ярким, как всегда; глаза вполне выдерживали прямой взгляд на него. А размеры солнечного диска были совершенно явственно больше привычных. Было во всем этом что-то необычное, даже неземное.

Тем не менее, картина, представшая Алениным глазам, была великолепна.

Конечно же, особенно восхитительным было море: темно-синее вдали, оно по мере приближения к берегу становилось нежно-лазурным, а еще ближе, в полосе прибоя приобретало различные оттенки светло-зеленого – от малахитового до почти прозрачного, цвета бутылочного стекла. Длинные, пологие волны неспешно катились к берегу, и на их глянцевой поверхности играли золотисто-оранжевые солнечные блики. Недалеко от берега гребни волн заворачивались, образуя бело-розовые барашки, и с негромким шипением разливались по песку пляжа, оставляя на нем клочья пены. Не успевала она растаять, как следующая волна приносила новую порцию. И так продолжалось бесконечно.

Не в силах себя сдерживать, Алена быстро спустилась по тропинке с обрыва и побежала к морю, увязая по щиколотку в песке. Солнце, хоть и неяркое, припекало не на шутку и, несмотря на то, что день начался недавно, песок уже успел основательно прогреться. Похоже, что лето здесь было в полном разгаре.

Сбросив с себя одежду, Алена осторожно попробовала ногой набегающую волну. Вода была теплой, и не раздумывая больше ни секунды, девочка бросилась в море. Она резвилась в розовой пене прибоя, забыв обо всем на свете, и даже о том, что осталось всего восемь дней для того, чтобы успеть спасти маму и папу.

Наплескавшись вдоволь, Алена устроилась на большом, хорошо прогретом камне. Девочка сидела на нем, ощущая всей кожей ласковое прикосновение солнечных лучей. Волны разбивались о камень, и брызги, долетая до Алены, приятно охладили разгоряченное тело и лицо; она чувствовала на губах их солоноватый привкус. Легкий ветерок шевелил уже успевшие высохнуть волосы. Море искрилось солнечными бликами. Алена, слегка прищурившись, смотрела на это переливающееся изумрудное чудо и не могла насмотреться. Вид его действовал на девочку завораживающе, она потеряла всякое представление о времени и могла так сидеть, казалось, вечно.

Глядя на эту дышащую спокойствием и умиротворением картину, трудно было поверить, что всего несколько часов тому назад здесь бушевала та ужасная буря, одни воспоминания о которой заставляли Алену зябко поеживаться. О ней напоминало, пожалуй, лишь одно: далеко-далеко на горизонте, там, где небо почти неразличимо сливалось с морем, кучилась гряда иссиня-черных туч. Отсюда она выглядела совсем не страшно и даже живописно, особенно в одном месте, где нагромождение туч было наиболее мощным и возвышалось над всей остальной грядой. Подсвеченное солнечными лучами, окаймляющими свинцовые тучи нежно-розовым или золотистым ореолом, это нагромождение представляло картину поистине сказочную, а вспышки зеленых и оранжевых зарниц, временами озаряющие гряду туч изнутри, еще более усиливали впечатление. В момент одной наиболее яркой вспышки Алена увидела на ее фоне рой черных точек, вьющихся в облаках.

«Должно быть, чайки», – решила она про себя.

Увлеченная необыкновенным зрелищем, Алена ничего не замечала вокруг. Поэтому она не услышала, как к камню, на котором она сидела, подошел незнакомец. Это был невысокий,

полноватый человек, одетый в светлую просторную блузу из легкой материи и такие же короткие брюки. Седые волосы на его голове были давно не стрижены и клочьями торчали во все стороны. Растрепанная курчавая борода обрамляла круглое улыбочливое лицо. На первый взгляд его можно было бы назвать стариком, но гладкая, без единой морщинки кожа, покрытая кирпичным загаром, и веселые голубые глаза, светящиеся из-под густых бровей, свидетельствовали о том, что это далеко не так.

– Ага, я так и думал, что ты здесь, – произнес он приятным низким голосом.

Алена вздрогнула от неожиданности и с беспокойством посмотрела на незнакомца, но, встретив его открытый добродушный взгляд, успокоилась и улыбнулась в ответ.

– Здравствуйте. Вы, должно быть, и есть хозяин того домика?

– Вот именно, – ответил бородач, присаживаясь рядом на камень. – Зови меня дядюшка Зэнд. Ну а ты кто будешь? И как сюда попала, путешественница?

– Меня зовут Алена. Я вам все расскажу, но сначала ответьте, как вы меня нашли? И не видели ли вы еще кого-нибудь? Дело в том, что со мной были еще кот и обезьяна.

– Точно, кот! – воскликнул дядюшка Зэнд, хлопнув себя ладонью по лбу. – Ну конечно, это был кот! Как я сам не догадался? Но одно дело, когда видишь его на рисунке, и совсем другое – когда он перед тобой живьем. Так вот, как раз кот-то и разбудил меня ночью и привел на ту полянку, где ты надумала вздремнуть. Но больше никого не было, никакой обезьяны.

– Милый мой Лимонад, – с чувством прошептала Алена, – так это ты меня спас.

Ей стало стыдно, что она так долго нежилась здесь на пляже, совершенно позабыв о друзьях.

– Дядюшка Зэнд, а где же он сейчас?

– Да рано поутру, ты еще спала, поел и куда-то убежал. Но ты обещала рассказать мне свою историю.

– Да, конечно, – Алена немного помолчала, собираясь с мыслями. Она решила рассказать обо всем или почти обо всем, что произошло за последние дни, тем более, что другого выхода у нее, похоже, не было. Да и внешность хозяина располагала к откровенности.

– В общем, все началось с рыбы, – тяжело вздохнув, повела свой рассказ Алена.

Она говорила, а дядюшка Зэнд, слушавший очень внимательно, глядя прямо в глаза девочки, уже в самом начале рассказа стал проявлять признаки какого-то беспокойства. На его доброжелательное, невозмутимое лицо вдруг легла печать удивления. Потом он вскочил с камня и начал нервно вышагивать вокруг него, то загребая босыми ногами горячий песок, то заходя по щиколотку в море. Наконец он не выдержал и, подняв руки, прервал Аленин рассказ:

– Стоп, стоп! Подожди, девочка. Ты где жила до сегодняшнего дня?

Алена назвала свой домашний адрес.

– Нет-нет. Не то. Я имею в виду, в какой сфере твой дом?

Видя, что Алена недоумевающе смотрит на него, Зэнд нетерпеливо добавил:

– Ну как называется твоя планета?

– Земля, – выдохнула Алена упавшим голосом.

Зэнд внимательно посмотрел девочке в лицо, потом кивнул головой и, сразу успокоившись, опять сел на камень.

– Продолжай.

И Алена продолжила свою невеселую и удивительную историю. Говорила она сбивчиво и неуверенно, каждую минуту опасаясь, что вот сейчас над ней начнут смеяться. Но дядюшка Зэнд слушал совершенно серьезно и больше ни разу ее не перебил. Алена закончила свой рассказ на том, как прошлой ночью после бесплодных блужданий по терзаемому бурей лесу она упала, потеряв сознание.

– Вот и все. А потом я проснулась в вашем доме. Спасибо вам за все.

– погоди ты говорить «спасибо», – озабоченно промолвил Зэнд. – Да, дело не простое, совсем не простое.

Задумчиво глядя в морскую даль и почесывая бороду, он на некоторое время замолчал. Алена, стараясь не мешать ему думать, тоже сидела тихо и смотрела на живописную гряду облаков на горизонте.

– словно волшебный замок, – негромко, как бы про себя проговорила она.

– Что? Какой замок? – встрепенулся Зэнд и, проследив за взглядом девочки, понимающе кивнул.

– Ах, это. Кстати, ты не так уж далека от истины. Замок – не замок, а кое-что интересное там действительно есть. Я тебе покажу. Пойдем. И, поднявшись с камня, он двинулся к обрыву.

Алена быстро надела джинсы и футболку и побежала за Зэндом; свитер и кроссовки она несла в руках.

– Дядюшка Зэнд, – догнав его, спросила Алена, – а как называется это море?

Тот, не останавливаясь, бросил через плечо взгляд на море и невозмутимо ответил:

– Это? Форсифиан.

– Как? Фор-си-фи-ан? Никогда не слыхала такого названия.

– Не слыхала, говоришь. А это не наталкивает тебя на какие-нибудь мысли?

– Я, кажется, понимаю, – Алена немного помолчала, а потом решительно выпалила: – Мы ведь не на Земле, да?

– А ты умная девочка, – доброжелательно сказал Зэнд. – Да к тому же еще и смелая. Ну что ж, тем легче мне будет кое-что тебе объяснить.

Так, разговаривая, они постепенно поднимались по извилистой тропинке на вершину обрыва. Когда они наконец поднялись наверх, перед Алениным взглядом предстал небольшой аккуратный домик, сложенный из довольно крупных блоков, вытесанных из розового камня с золотистыми прожилками. Плоская, скошенная крыша делала его немного похожим на вполне современный земной коттедж.

Слева от дома раскинулся сад, который Алена сегодня уже видела из окна, а справа вплотную к дому примыкала высокая круглая башня. Диаметр ее был не меньше трех метров, а высота достигала, очевидно, метров пятнадцати. Невдалеке за домом начинался лес, должно быть, тот самый, по которому ночью блуждала Алена. Еще дальше и правее виднелись горные отроги, также поросшие лесом, которые, постепенно повышаясь, переходили в живописные скалистые горы.

Башня была сложена из таких же камней, что и дом. На самом вершине на прочном металлическом шпиле вращались лопасти большого ветряка. Под крышей башни угадывалась застекленная со всех сторон смотровая площадка.

И тут Алена увидела такое, что заставило ее радостно вскрикнуть и, обогнав дядюшку Зэнда, броситься к дому. Там, на ступеньках крыльца как ни в чем не бывало сидели Лю и Лимонад. Правда, вид у них был несколько потрепанный, особенно у Лю. Она была вся перепачкана землей, один бок был распорот, и оттуда торчала поролоновая набивка; левая рука болталась на нескольких нитках и вот-вот готова была оторваться. В общем, вид у нее был настолько жалким, что у Алены на глаза навернулись слезы. Она схватила обезьяну и стала обнимать ее, шепча ей какие-то ласковые слова.

Потом, когда волнение от встречи улеглось, Алена вычистила Лю жесткой щеткой, которая нашлась у дядюшки Зэнда. У него же оказались и нитки с иглкой, так что Алене не составило труда починить обезьяну.

Пока она этим занималась, Лю и Лимонад наперебой рассказывали о том, что же произошло с ними этой ночью. Оказывается, их просто-напросто привалило камнем. Был ли это тот самый камень, что они все вместе вытолкнули из лаза, или какой-то другой, Лю и Лимонад не знали. Они только почувствовали, что падают куда-то в темноту и инстинктивно уцепились

друг за дружку. Это их и спасло, потому что, когда на них вдруг навалилась многокилограммовая тяжесть, обезьяна оказалась сверху и своим телом смягчила удар, пришедшийся на Лимонада. Он, к счастью, просто оказался вжатым в довольно рыхлый гравий.

Придя в себя через несколько минут после падения, Лимонад отчаянно заработал лапами и достаточно быстро вылез из-под камня. Кругом бушевала буря. Кот несколько раз попытался позвать Алену, но стоял такой шум, что вся бесплодность таких попыток была очевидна. Тогда он принялся выгребать лапами гравий из-под камня, стараясь освободить Лю. Она же лежала не в силах пошевелиться, но кроме этого неудобства ни боли, ни каких-либо других неприятных ощущений не испытывала. Они с Лимонадом могли даже совершенно свободно переговариваться. Поэтому, услышав, что кот копает под камнем, Лю настояла на том, чтобы он сначала отправился на поиски Алены. При этом она заверила Лимонада, что ей самой никакая опасность не угрожает, в то время как Алена находится неизвестно в каком положении. Лимонад счел ее доводы вполне убедительными и, не мешкая ни секунды, бросился искать девочку.

Долго блуждал кот по ночному, стонущему под ударами бури лесу и наконец, благодаря способности отлично видеть в темноте и своему тонкому обонянию, нашел потерявшую сознание Алену на одной из полян. Сам Лимонад никак не мог помочь девочке; к счастью он почувствовал, что где-то поблизости есть человеческое жилье, и не раздумывая, бросился туда, куда повел его инстинкт домашнего животного. Так он нашел дом дядюшки Зэнды, поднял его самого из постели и привел к Алене...

Потом, когда все опасности были уже позади, Лимонад, напившийся жирного сладкого молока, без задних ног спал в большом мягком кресле. Но с первыми лучами солнца кот уже снова был на ногах. Он не стал будить Алену, справедливо посчитав, что девочке еще нужен отдых, и в одиночку отправился выручать Лю. Лимонад без труда нашел дорогу к той самой горе, по склону которой он кубарем катился сегодняшней ночью, и тот самый камень, под которым они с Лю оказались. А уж сделать под камнем подкоп – было только вопросом времени...

7. Иной мир

Пока Алена приводила в порядок обезьяну и слушала рассказ Лимонада, дядюшка Зэнд, находившийся здесь же, с интересом, а иногда и с удивлением наблюдал за всем происходящим. Заметив это, Алена обратилась к нему:

– Дядюшка Зэнд, вам это все, должно быть, кажется странным?

– Да как тебе сказать? Вот, например, живого кота я действительно вижу впервые, хотя его изображение украшает герб нашего королевства. Да и двигунов уже лет десять как не видел. – Зэнд кивнул в сторону Лю. – А уж чтоб они говорили – такого вообще не помню.

– Как вы ее назвали? – в свою очередь удивилась Алена. – Двигун?

– Ну да, двигун, или псевдожизнь, как их называют наши ученые маги. Раньше, до войны с Гальфаром, у нас их было много. Только они не говорили. Но ведь ты, конечно, ничего об этом не знаешь. Я думаю, пришел мой черед кое-что вам рассказать.

Зэнд немного помолчал, собираясь с мыслями, и начал свой рассказ:

– Я, конечно, не маг и не алхимик какой-нибудь. Поэтому буду рассказывать по-простому, как сам понимаю и что сам знаю. Вот ты, Алена, верно догадалась, что мы находимся не на Земле. Так оно и есть. Этот мир и наше королевство называется Амерон. На Земле о нем, уверен, ничего не известно.

Алена только пожала плечами.

– А между тем, – продолжал Зэнд, – и Земля, и Амерон настолько близки, что в это даже трудно поверить. А если говорить точнее, то они существуют в одном и том же пространстве и в одно и то же время. Вот, например, мы сейчас сидим в моем доме, а на Земле на этом же месте находится, допустим...

– «Три пэ», – негромко пробормотал Лимонад.

– Что? – не понял Зэнд.

– «Три пэ» означает «Парк Покорителей Полюса», – пояснила Алена. – Место, где находится «Пещера ужасов».

– Вот именно, – подтвердил Лимонад. – Ваша мысль, в общем, ясна. Разные там параллельные миры, многомерные пространства. Кое-что об этом слышали.

Дядюшка Зэнд с удивлением, к которому примешивалась изрядная доля уважения, уставился на кота.

– Эти слова я слышу впервые, но чувствую, вы поняли, о чем я говорю. С вами просто приятно иметь дело. Ну тогда я продолжаю. И таких вот, как ты говоришь, параллельных миров в одном пространственно-временном объеме может быть не два и не три, а... фарлан его знает – сколько много. У нас в Амероне, по крайней мере, известно около десяти миров. Мы называем их сферами. Сферы как бы вложены одна в другую и все вместе в совокупности составляют Сфероид. Количество сфер в Сфероиде, по мнению одних магов, ограничено двумя десятками, по мнению других – бесконечно. Вопрос очень сложный, ну да сейчас это не важно. Важно то, что переход из сферы в сферу не представляет особого труда. Кроме того, что существуют природные «окна» между сферами, достаточно опытный маг также может пробивать такие «окна» на короткое время. Единственным ограничением во всем этом является то, что сферы расположены друг относительно друга в строго определенной последовательности, и попасть из данной сферы можно только в смежную или сопредельную сферу. Так, для Амерона сопредельными сферами являются Земля с одной стороны и Гальфар – с другой. За Гальфаром расположена сфера, которая называется Норба, а за Землей – сфера, именуемая Вильди. Дальше я уже точно не помню, боюсь ошибиться. Да, в общем, это и неважно.

– Похоже на матрешку, – задумчиво промолвила Алена.

Зэнд вопросительно посмотрел на нее.

– Это такие деревянные куклы разного размера, пустые внутри. И они вкладываются одна в другую, – пояснила девочка. – Для того, что бы добраться до самой маленькой, надо открыть по очереди все остальные.

– Ну что ж, подходящее сравнение. А для того, чтобы добраться до какой-нибудь отдаленной сферы, надо последовательно пройти через все сферы, которые отделяют тебя от нее.

– Теперь понятно, почему вагонетка из «Пещеры ужасов» не сразу попадает в Гальфар, а только через ледяной грот, – вступила в разговор Лю, до этого момента упорно молчавшая. Похоже, она стеснялась своего вида перед дядюшкой Зэндом. – Нам здорово повезло, что сопредельной сферой для Земли является Амерон, а не Гальфар.

Зэнд снова с удивлением уставился на Лю. Та, смутившись, поближе прижалась к Алене.

– Дядюшка Зэнд, – укоризненно проговорила Алена, покачав головой.

– Извини, никак не могу привыкнуть к говорящему двигуну.

– Никакой она не двигун, а такая же девочка, как и я. Только заколдованная.

– Кстати, в том же Гальфаре, – вставил словечко Лимонад.

– Прошу прощения еще раз. Лю, не обижайся.

И Зэнд протянул ей руку. Помедлив секунду, обезьяна вложила в его большую ладонь свою мягкую матерчатую лапку.

– Да, ребята, у вас, я смотрю, серьезные счеты к Гальфару, – Зэнд с сочувствием смотрел на странную компанию.

– Дядюшка Зэнд, но для чего они все это делают? – горячо воскликнула Алена.

– Что им нужно от нас, от Земли?

– Об этом я могу только догадываться, – задумчиво промолвил Зэнд, погладив девочку по голове. – Все, что касается Гальфара, покрыто такой непроницаемой завесой тайны, что даже мы здесь, в Амероне, в сопредельной с Гальфаром сфере, мало что о нем знаем. Говорят, в старинных летописях есть сведения о том, что когда-то очень давно Гальфара не существовало вовсе, по крайней мере – в нашем Сфероиде, и сопредельной с Амероном сферой была Норба. Как между ними вклинился Гальфар, почему он возник или откуда взялся – неизвестно. Во всяком случае, простым людям. Ходят, конечно, всякие слухи и домыслы, но достоверно известно только одно: Гальфар несет в себе злое начало, и вся деятельность гальфарян во главе с Верховным Стражем Чаши по сути своей разрушительна и приносит только беды и несчастья. Естественно, другим сферам. Сам же Гальфар от всего этого имеет, очевидно, какую-то пользу. В коварстве Гальфара мы убедились лет десять тому назад, когда он развязал против Амерона самую настоящую открытую войну. До этого мы, в общем, как-то уживались, даже была кое-какая торговля. Например, те же двигуны – порождение Гальфара, и до войны их в Амероне было довольно много. Они были игрушками, и прислужгой, и даже рабочей силой. После войны их хотели было уничтожить, но потом решили, что раз уж в разгар военных действий они не проявили себя с плохой стороны, то после поражения Гальфара они тем более не могут представлять никакой опасности. Тогда их просто выслали всех в Загорье, на Свободные земли. Но я, кажется, отклонился в сторону от сути дела.

– Дядюшка Зэнд, вы очень интересно рассказываете, но у нас действительно очень мало времени. Скажите только, что такое Стражи Чаши?

– Среди гальфарян существует жесткая иерархия, и Страж Чаши – это своеобразное звание, обозначающее, на какой ступени иерархии стоит тот или иной гальфарянин. На самой высшей ступени находится Верховный Страж Чаши, далее Стражи Чаши двух степеней, потом идут Адепты двух степеней, и в самом низу – основная масса: Недостигшие.

– А что это за Чаша все время упоминается? – спросила Лю. Алена и Лимонад тут же начали кивать головами. Судя по всему, этот вопрос интересовал всех.

– А, это. Ну, в общем, опять-таки существует предание, согласно которому в Гальфаре находится Вселенская Чаша Зла. Все Зло, которое происходит в разных сферах, по кап-

лям собирается в эту Чашу, и когда она наполнится до краев, Зло будет править Вселенной. Не больше и не меньше. Вероятнее всего для гальфарян это просто символ, своеобразная святыня, если это слово употребимо по отношению к Гальфару, которой они поклоняются.

– Похоже, эта их чашка еще не набралась, раз они не смогли, насколько я понимаю, завоевать Амерон, – сказал Лимонад и почесал себя за ухом.

– Да, не смогли, но, честно говоря, были довольно близки к этому. События тех дней были весьма драматичными. К счастью, все кончилось благополучно для Амерона, хотя многие обстоятельства той победы и сейчас кажутся странными и необъяснимыми. Но эта тема отдельного рассказа. Короче говоря, войска Гальфара были выбиты из Амерона, все «окна» между нашими сферами были закрыты и заблокированы Великим Шеленгом и его помощниками, после чего всяческие отношения с Гальфаром полностью прекратились...

– И тогда гальфаряне переключились на Землю, – закончила Алена за Зэнда.

– Я не думаю, что они и прежде не интересовались Землей, но, скорее всего, после неудачи с Амероном их воздействие на Землю усилилось. Тут следует упомянуть об особенностях Земли. В некотором смысле она для нас еще более загадочна, чем даже Гальфар. Когда-то очень давно, несколько столетий тому назад между Амероном и Землей была довольно тесная связь. В границе между ними существовало множество природных «окон», и люди могли довольно свободно переходить из одной сферы в другую, зачастую даже не замечая этого. Но постепенно в силу каких-то неизвестных причин «окон» становилось все меньше и меньше. Люди Земли все реже появлялись в Амероне, а тех, кто продолжал общение с другими сферами, стали подвергать гонениям и преследованиям, вплоть до физического уничтожения. Развитие жизни на Земле вдруг резко пошло по другому пути, непонятному и чуждому для Амерона. Прошли века, и на Земле совсем забыли о существовании не на других звездах, а рядом, буквально на расстоянии вытянутой руки, иных обитаемых миров. Люди не только утратили связь с ними, в каком-то упорном высокомерии они просто не желали верить в то, что может существовать иная жизнь кроме их собственной.

Вот так за несколько столетий человечество на Земле окончательно утратило способность переноситься в другие сферы. Поэтому я и сказал, что Земля более далека от нас, чем Гальфар. Вы понимаете?

Алена молча кивнула головой.

– И вот почему гальфаряне так вольготно чувствуют себя на Земле, – продолжал Зэнд. – Очень просто затаиться там, где в тебя не верят, и спокойно обдѣлывать свои темные делишки. К нам-то они теперь боятся сунуться, хотя, как выясняется, и используют нашу территорию для организации «окна» Гальфар – Земля. Вот что я думаю обо всей этой истории.

– Дядюшка Зэнд, – умоляюще проговорила Алена, – а как же быть нам? Как мне помочь папе и маме? Осталось ведь всего восемь дней.

Зэнд почесал всклокоченную бороду.

– Да думал я уже об этом. И вот что скажу: вам надо в столицу, в Элеонт, к Первому Королевскому Магу, Великому Шеленгу. Если уж он не сможет помочь, то не поможет никто.

Увидев, что у Алены задрожали губы, Зэнд поспешно добавил:

– Но он обязательно поможет. Для него нет тайн в колдовской науке.

– А где находится Элеонт? Как нам туда добраться?

– Столица-то далековато, и добраться до нее нелегко, озабоченно ответил Зэнд. – Но другого выхода нет. Есть только один способ оказаться в Элеонте к сроку. Алена, ты как, высоты не боишься?

Девочка пожала плечами.

– Не знаю. Но когда я была маленькой, то однажды в бассейне сама залезла на вышку для прыжков, меня еле успели снять. Значит, не боюсь. Наверное.

– Это хорошо. Тогда все получится. Полетите на «ковре», у них сейчас как раз сезон лета.

– На ковре?! – в один голос воскликнули Алена и Лю и посмотрели друг на друга.

– Да, именно на «ковре», – Зэнд с хитрой усмешкой смотрел на недоумевающих друзей. –

Но это проще показать, чем объяснить. Пошли за мной.

И он направился к маленькой дверце в боковой глухой стене дома.

За дверцей оказалась узкая винтовая лестница, ведущая вверх. Тут Алена вспомнила о башне с ветряком на крыше. Несомненно, они попали внутрь башни. Зэнд и за ним вся компания поднялись по лестнице на застекленную со всех сторон смотровую площадку, расположенную на самом верху. Обзор отсюда был великолепный: вся окружающая местность лежала, как на ладони. Но Аленино внимание привлекло в первую очередь то, что находилось здесь, внутри башни. Это была огромная подзорная труба или, скорее всего, телескоп, укрепленный на специальной станине. Здесь же, на станине, было установлено небольшое креслице и столик. Так что окуляр телескопа находился как раз на уровне глаз сидящего в кресле человека. Из центра потолка выходил металлический вал с насаженной на него шестерней. Сложная система передач, состоящая из различных колес, шкивов и шестерней, была подведена от вала к станине телескопа, а на столике из специальных прорезей торчали всевозможные рычажки и колесики. Очевидно, с их помощью можно было управлять всей этой машиной.

– Ну как, нравится? – спросил Зэнд, заметив удивление в глазах девочки, и, положив руку на телескоп, с гордостью добавил: – Моя работа. Да, в общем, здесь все сделано вот этими руками.

– Здорово, – отозвалась Алена, обойдя вокруг загадочного сооружения. – А для чего все это?

– Будет время – расскажу. А пока, посмотри-ка на юг. Да нет, не на море, в противоположную сторону. Вон там, около леса. Видишь?

Алена, а вместе с ней и Лю с Лимонадом посмотрели в направлении, указанном Зэндом. Там, метрах в трехстах от башни, на опушке леса происходило что-то непонятное. Время от времени от земли отделялись какие-то плоские предметы, поднимались над деревьями метров на десять – пятнадцать и, немного повисев на одном месте, легко покачиваясь, начинали удаляться, постепенно увеличивая скорость, пока не исчезали за отдаленными холмами. Разобрать на таком расстоянии, что это за предметы, и оценить их размеры было совершенно невозможно. То ли это были птицы, то ли какие-то летательные аппараты, Алена не поняла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.